

ISSN 2791-0954 [Print]

**Eurasian Journal of International Law
(EAJIL)**

2024, Number # 1 (9)

**Еуразия халықаралық құқық журналы
(ЕАХҚЖ)**

2024, № 1 (9) Нөмірі

**Евразийский журнал международного права
(ЕАЖМП)**

2024, Номер № 1 (9)

Founded in 2022

2022 жылдан бастап шығады

Издается с 2022 года

Published 4 times a year

Жылына 4 рет шығады

Выходит 4 раза в год

Astana, 2024

Астана, 2024

Астана, 2024

Бас редакторлар: **Ербол Абайділданов**, з.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан Республикасы);

Аслан Абашидзе, з.ғ.д., проф., П.Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университеті (Мәскеу, Ресей Федерациясы).

Жауапты хатшы: **Шолпан Тлепина**, з.ғ.д., проф., Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан Республикасы)

Техникалық хатшылар: **Алькей Каханов**, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан Республикасы); **Виктория Михеева**, Ресей халықтар достығы университеті (Мәскеу, Ресей Федерациясы).

Редакция алқасы

Адель Абдуллин	з.ғ.д., проф., Қазан (Еділ бойы) федералдық университеті (Қазан, Ресей Федерациясы)
Бекашев Дамир	з.ғ.д., проф., Ресей Сыртқы істер министрлігі жанындағы МГИМО (Мәскеу, Ресей Федерациясы)
Бекбосун Бوروبашов	з.ғ.д., проф., Қырғыз-Ресей Славян университеті (Бішкек, Қырғыз Республикасы)
Елена Довгань	з.ғ.д., проф., Беларусь мемлекеттік университеті (Минск, Беларусь Республикасы)
Жанат Кулжабаева	з.ғ.к., доцент, Қазақстан Республикасының заңнама және құқықтық ақпарат институты (Астана, Қазақстан Республикасы)
Мира Куликпаева	PhD, Қазақстан Республикасының заңнама және құқықтық ақпарат институты (Астана, Қазақстан Республикасы)
Ришат Нигматуллин	з.ғ.д., проф., Уфа ғылым және технологиялар университеті (Уфа, Ресей Федерациясы)
Алишерзон Саидмухторов	з.ғ.к., доцент, Тәжікстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының саяси процестер, дипломатия және галамдану мәселелері ғылыми-зерттеу институты (Душанбе, Тәжікстан Республикасы)
Жулдыз Сайрамбаева	з.ғ.к., доцент, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан Республикасы)
Марат Сарсембаев	з.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан Республикасы)
Александр Солнцев	з.ғ.к., доцент, П. Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университеті (Мәскеу, Ресей Федерациясы)

Редакцияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қ. Сәтбаев к-сі, 2, 325 каб.

Тел.: +7(7172)709-500 (ішкі 31-245; 31-267). **E-mail:** ejil0809@gmail.com

web-site: <https://ejil.enu.kz/index.php/main>

Меншіктенуші: “Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті” коммерциялық емес акционерлік қоғам. Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігінде тіркелген. Тіркеу куәлігі: № KZ27VPY00047364 (30.03.2022).

Мерзімділігі: жылына 4 рет.

Типографияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к-сі, 13/1, тел.: +7(7172) 709-500, (ішкі: 31-434)

© Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Chief Editors: **Yerbol Abaideldinov**, *Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)*;

Aslan Abashidze, *Doctor of Law, Professor, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)*.

Executive Secretary: **Sholpan Tlepina**, *Doctor of Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)*.

Technical Secretaries: **Alkey Kahanov**, *PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)*; **Victoria Mikheeva**, *P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)*.

Editorial Board

Adel Abdullin	<i>Doctor of Law, Professor. Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation)</i>
Damir Bekyashev	<i>Doctor of Law, Professor, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)</i>
Bekbosun Borubashov	<i>Doctor of Law, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University (Moscow) Bishkek, Kyrgyz Republic)</i>
Elena Dovgan	<i>Doctor of Law, Professor, Belarusian State University (Republic of Belarus, Minsk)</i>
Zhanat Kulzhabayeva	<i>Candidate of Law, Associate Professor, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan)</i>
Mira Kulikpayeva	<i>PhD in Law, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan)</i>
Rishat Nigmatullin	<i>Doctor of Law, Professor, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)</i>
Alisherjon Saidmukhtorov	<i>Candidate of Law, Associate Professor, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)</i>
Zhuldyz Sairambayeva	<i>PhD in Law, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)</i>
Marat Sarsembaev	<i>Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)</i>
Alexander Solntsev	<i>PhD in Law, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba (Moscow, Russian Federation)</i>

Editorial address: 2 K. Satpayev Str., Astana, Kazakhstan, 010008 **Тел.:** +7(7172) 709-500, (ext.: 31-245; 31-267). **E-mail:** ejil0809@gmail.com **web-site:** <https://ejil.enu.kz/index.php/main>

Owner: Non-profit joint-stock company "L.N. Gumilyov Eurasian National University". Registered by the Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan. Registration certificate: KZ27VPY00047364 (30.03.2022). Periodicity: 4 times a year.

Address of printing house: 13/1 Kazhymukan Str., Astana, Kazakhstan, 010008; tel.: +7(7172) 709-500, (ext.: 31-434).

© L.N. Gumilyov Eurasian National University

Главные редакторы: **Ербол Абайдельдинов**, д.ю.н., проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан);
Аслан Абашидзе, д.ю.н., проф., Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (г. Москва, Российская Федерация).
Ответственный секретарь: **Шолпан Тлепина**, д.ю.н., проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан).
Технические секретари: **Алькей Каханов**, докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан). **Виктория Михеева**, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (г. Москва, Российская Федерация).

Редакционная коллегия

Адель Абдуллин	д.ю.н., проф. Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация)
Дамир Бекяшев	д.ю.н., проф., МГИМО МИД России. (г. Москва, Российская Федерация)
Бекбосун Бوروبашов	д.ю.н., проф., Кыргызско-Российский Славянский Университет (г. Бишкек, Кыргызская Республика)
Елена Довгань	д.ю.н., проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь, г. Минск)
Жанат Кулжабаева	к.ю.н., доцент, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан)
Мира Куликпаева	PhD, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан)
Ришат Нигматуллин	д.ю.н., проф., Институт права Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа, Российская Федерация)
Алишержон Саидмухторов	к.ю.н., доцент, Академия государственного управления при Президенте Республики Таджикистан (г. Душанбе, Республика Таджикистан)
Жулдыз Сайрамбаева	к.ю.н., доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Республика Казахстан)
Марат Сарсембаев	д.ю.н., проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан)
Александр Солнцев	к.ю.н., доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (г. Москва, Российская Федерация)

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, 2, каб. 325.

Тел.: +7(7172) 709-500 (вн.: 31-245; 31-267). **E-mail:** ejil0809@gmail.com

web-site: <https://ejil.enu.kz/index.php/main>

Собственник: Некоммерческое акционерное общество “Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева”. Зарегистрирован Министерством информации и общественного развития Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство: №KZ27VPY00047364 (30.03.2022).
Периодичность: 4 раза в год.

Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукана, 13/1, тел.: +7(7172) 709-500 (вн. 31-434)

© Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Content /Мазмұны/Оглавление

Сарсембаев М.А. Управление отраслью высшего образования, университетами в Казахстане и ряде зарубежных государств в контексте Всемирной декларации и сравнительно-законодательного исследования 6

Vorubashov B.I., Abaideldinov Ye. M. Some aspects of implementation by states of decisions of international bodies 22

Меркушин В.В. Противодействие транснациональной организованной преступности в контексте новых вызовов и угроз современным системам безопасности государств (на примере Республики Беларусь и России) 33

Akshalova R.D., Iqbol M. Subjects of intellectual property rights, created by artificial intelligence 51

Voituret J.D. The use of force by law enforcement officials in France 59

Otyunshiyeva A.A., Ayatullah Nemati Analysis of human rights violations during the taliban regime 75

Профессору В.А. Карташкину – 90 лет..... 85

2024 жылдан бастап ЕХҚЖ редакция кеңесінің құрамына жаңа танымал ғалымдар енді..... 91

Мақалаларды жариялау ережелері 97

Правила опубликования статей 100

Rules for publishing articles..... 103

DOI: <https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2024-8-1-6-21>

**Управление отраслью высшего образования, университетами
в Казахстане и ряде зарубежных государств в контексте
Всемирной декларации и сравнительно-
законодательного исследования**

Сарсембаев Марат Алдангорович

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права
Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева,

Астана, Казахстан

e-mail: daneker@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8483-4234; JEL-code: K24 Cyber Law

Аннотация. В каждой стране есть совокупность университетов и специализированных высших учебных заведений, образующая отрасль высшего образования, которая в Казахстане, например, находится под началом Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Руководство данной отраслью, каждым университетом, вузом составляет компоненту, которая осуществляет стратегически продуманный курс по приоритетному направлению. В своей руководящей деятельности Министерство, ректораты 120 вузов Казахстана руководствуются положениями Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века (9 октября 1998 года), рядом международных конвенций ЮНЕСКО, региональными, двусторонними соглашениями, конституционным и текущим законодательством страны, специальными нормативными правовыми актами республики. Юридические, законодательные нормы о руководстве системой высшего образования Казахстана и ряда развитых стран исследованы на основе метода сравнительно-правового анализа. Это позволило обобщить правовой руководящий опыт других государств и на этой основе предложить ряд рекомендаций и предложений для совершенствования казахстанского законодательства по вопросам руководства отраслью высшего образования и высшими учебными заведениями страны.

Ключевые слова: руководство университетами, высшее образование, законы, автономия, министерство науки и высшего образования, ректорат, академическое сообщество, управление, Всемирная декларация о высшем образовании.

**Қазақстанда және бірқатар шет мемлекеттерде Дүниежүзілік
декларация мен салыстырмалы-затнамалық зерттеу шеңберінде жоғары
білім саласы, университеттерді басқару**

Сәрсембаев Марат Алданғорұлы

заң ғылымдарының докторы, халықаралық құқық кафедрасының профессоры, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,

Астана, Қазақстан

e-mail: daneker@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8483-4234; JEL-code: K24 Cyber Law

Түйіндеме. Әрбір елде жоғары білім беру секторын құрайтын университеттер мен мамандандырылған жоғары оқу орындарының жиынтығы бар, мысалы, олар Қазақстанда, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің құзырында. Осы саланың басшылығы, әрбір университет, жоғары оқу орнына басым бағыт бойынша стратегиялық ойластырылған курсты жүзеге асыратын құрамдас бөлікті құрайды. Министрлік, Қазақстанның 120 жоғары оқу орнының ректораттары өзінің басшылық қызметінде ХХІ ғасырға арналған жоғары білім туралы Дүниежүзілік Декларацияның ережелерін (1998 жылғы 9 қазан), ЮНЕСКО-ның бірқатар халықаралық конвенцияларын, өңірлік, екіжақты келісімдерді, елдің конституциялық және ағымдағы заңнамасын, республиканың арнаулы нормативтік құқықтық актілерін басшылыққа алады. Қазақстанның және бірқатар дамыған елдердің жоғары білім беру жүйесіне басшылық жасау туралы заңдық, заңнамалық нормалар салыстырмалы-құқықтық талдау әдісі негізінде зерттелді. Бұл басқа мемлекеттердің құқықтық басқару тәжірибесін жалпылауға және осының негізінде еліміздің жоғары оқу салалары мен жоғары оқу орындарын басқару жөніндегі қазақстандық заңнаманы жетілдіру бойынша бірқатар ұсыныстар мен ұсыныстар беруге мүмкіндік берді.

Негізгі сөздер: университеттерді басқару, жоғары білім, заңдар, автономия, ғылым және жоғары білім министрлігі, ректорат, академиялық қауымдастық, басқару, Жоғары білім туралы дүниежүзілік декларациясы.

**Management of the higher education sector, of the universities in
Kazakhstan and a number of foreign countries in the context of the World
Declaration and comparative legislative research**

Sarsembayev Marat Aldangorovich

Doctor of Law, Professor of the Department of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University,

Astana, Kazakhstan

e-mail: daneker@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8483-4234; JEL-code: K24 Cyber Law

Abstract. In each country there is a set of universities and specialized higher education institutions that form a branch of higher education, which in Kazakhstan, for example, is under the authority of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan. The management of this branch, each university, and

higher education institution makes up a component that implements a strategically thought-out course in a priority area. In their leadership activities, the Ministry and the rectorates of 120 universities of Kazakhstan are guided by the provisions of the World Declaration on Higher Education for the 21st century (October 9, 1998), a number of international UNESCO conventions, regional, bilateral agreements, constitutional and current legislation of the country, special normative legal acts of the republic. The legal and legislative norms on the management of the higher education system of Kazakhstan and a number of developed countries are studied on the basis of the method of comparative legal analysis. This made it possible to summarize the legal guidance experience of other states and, on this basis, to propose a number of recommendations and proposals for improving Kazakhstan's legislation on the management of the higher education industry and higher educational institutions of the country.

Keywords: university management, higher education, laws, autonomy, Ministry of Science and Higher Education, rector's office, academic community, management, World Declaration on Higher Education.

Введение. Руководство университетами, в целом всей системой высшего образования в каждой стране является необходимым, направляющим компонентом как отдельного университета, так и отрасли высшего образования в стране. В этой связи есть смысл более тщательно проанализировать положения о руководстве высшим образованием, университетами, функционирующими на планете, с помощью международного документа – «Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры» от 9 октября 1998 года [1]. Всемирная декларация определяет, из чего должны исходить руководители отрасли высшего образования и высших учебных заведений в соответствующей стране в целях надежного управления ими. Поэтому в разделе II (пункт 6) данного международного документа говорится о том, что руководители всей отрасли высшего образования должны исходить из приоритетов программ и структур высших учебных заведений, суть которых состоит в необходимости обеспечения доступа в высшему образованию всех тех лиц, кто «обладает необходимыми способностями и мотивацией» [1].

Попробуем разобраться в признаках систем высшего образования. К представителям «корпоративной модели» высшего образования можно отнести системы образования США, Великобритании, Ирландии, Канады. В свою очередь, представителями государственно-централизованной системы высшего образования придерживаются Германия, Россия, Швейцария, Нидерланды. Казахстан отходит от этой системы, что выражается в том, что государственным вузам предоставлена автономия в его деятельности. Тем самым Республика Казахстан стремится соответствовать положениям статьи 13 Всемирной декларации о высшем образовании XXI века: «Высшим учебным заведениям должна быть предоставлена автономия в их внутренних делах, однако такая

автономия должна сопровождаться четкой и транспарентной подотчетностью правительству, парламентам, учащимся и обществу в целом» [1]. В мире наблюдается тенденция перехода от государственного контроля в сфере высшего образования к государственному наблюдению, прослеживается переход к либерализации регуляторной системы высшего образования.

Содержание общего руководства состоит в том, чтобы каждый университет мог надлежащим образом использовать автономию и обеспечивать «высокий академический уровень для того, чтобы содействовать устойчивому развитию общества и решению проблем, которые встанут перед ним в будущем». Декларация исходит из того, что управление системой высшего образования применительно к особенностям страны нужно предполагать обеспечение высокого качества обучения и четкого понимания «его социальной значимости и его научно обоснованной функции предвидения» [1]. Любая модель высшего образования, как говорится в Декларации, предполагает, что руководство высшим образованием (министерство образования) в той или иной стране должно развивать систему образования «в свете рекомендаций и новых целей в области образования, намеченных в докладе Международной комиссии по образованию для XXI века, представленном ЮНЕСКО в 1996 году» [1].

Материалы и методы. Материалы для данной статьи автором собирались из следующих источников: материалы из Интернета, документы всемирного характера об образовании и ЮНЕСКО, цифровые и иные данные казахстанских, китайских и западных университетов, законодательные материалы из информационно-правовой системы нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет», Министерства юстиции Великобритании, Свода законов США и фондов иных стран. Кроме того, использована научная литература по теме на русском, казахском, английском языках. В процессе исследования использовались следующие методы: логического анализа, сравнительно-правового анализа, а также научно-прогностического анализа.

Обсуждение. По рекомендациям Всемирной декларации новая модель высшего образования представляет создание «новых форм учебной среды, начиная от средств дистанционного образования и вплоть до полноценных «виртуальных» высших учебных заведений и систем, способных сократить расстояния и разрабатывать высококачественные системы образования на благо социально-экономического развития и демократизаций» [1]. Это делает университеты социально значимыми учреждениями [2].

Особое внимание Всемирная декларация уделяет вопросу о необходимости налаживания отрасли и высшими учебными заведениями международного сотрудничества в целях содействия «выявлению целей и интересов всех стран», «равноправному доступу», «доступу и укреплению инфраструктур» в этой сфере с распространением новейших, передовых технологий и в рамках всего общества» [1]. Говоря другими словами, обеспечение надлежащего международного сотрудничества является одним из

средств направляющего руководства по дальнейшему совершенствованию качества высшего образования в стране.

Современное высшее образование предполагает необходимость внедрения и «всемирного использования информационных», цифровых технологий искусственного интеллекта, что позволяет поднять высшее образования на более высокий уровень [1]. В этом направлении усиленно работают президенты (ректоры) университетов Франции, Нидерландов, Великобритании, Германии, Японии, Южной Кореи, Сингапура, Китая и других продвинутых стран [3]. Министр науки и высшего образования Республики Казахстан и ректоры более 100 университетов страны должны непременно двигаться в этом направлении.

К сожалению, в германском законе «О высшем образовании» нет регуляторных норм по вопросам руководства вопросами управления системой высшего образования в стране.

Анализируя систему высшего образования в Китае, следует сказать, что, несмотря на переход страны на рыночные, капиталистические рельсы, тем не менее Коммунистическая партия Китая обеспечивает социалистическо-идеологическое и организационное управление через Государственный совет, который осуществляет «единое руководство высшим образованием по всей стране» (статья 13 Закона КНР «О высшем образовании»). В университетах и институтах Китая президенты (аналог ректоров) «берут на себя ответственность под руководством Коммунистической партии Китая (статья 39 упомянутого Закона). Организационно-управленческие вопросы регулируются специализированным законодательством, в центре которого находится Закон КНР «О высшем образовании». В этой же статье китайского закона напрямую закреплено, что партийные комитеты в процессе руководства КНР высшими учебными заведениями придерживаются линии партии, претворяют в жизнь принципы и политику руководящей Коммунистической партии страны, обеспечивают «руководство идеологической и политической работой», а также нравственным воспитанием в учебных заведениях (статья 39 Закона КНР «О высшем образовании»). Китай, Вьетнам, КНДР как социалистические государства азиатского континента, примерно одинаково осуществляют партийно-коммунистическое руководство всей системой высшего образования, практически всеми высшими учебными заведениями своих стран. В этом смысле можно утверждать, что Китай в вопросах руководства, управленческих вопросов придерживается *социалистической модели высшего образования*.

В соответствии со статьей 62 Закона КНР «О высшем образовании» Административный департамент образования при Государственном Совете КНР вместе с другими департаментами при том же Государственном Совете и на базе «годовой стоимости образования на одного зачисленного студента формулирует годовые нормы расходов для высших учебных заведений и основные принципы привлечения средств на образование» [4].

В течение 70 лет (с 1922 по 1991 годы) Казахстан, который был частью социалистического советского государства - СССР, также придерживался

канонов социалистической модели высшего образования. Коммунистическая партия Советского Союза также единолично осуществляла идеологическое руководство, управление всеми сферами жизни, в том числе сферой высшего образования. В каждом университете, институте, факультетах функционировали партийные комитеты и партийные бюро. Но вот уже в течение более 30 последних лет независимого развития, став суверенным государством, полноправным субъектом современного международного публичного права, страной рыночного ведения хозяйствования, освободившись от командной экономики и партийной опеки, Казахстан начал руководствоваться принятыми в демократическом мире принципами, стандартами, процедурами, управленческими, руководящими положениями в вузовской сфере. Отсюда следует вывод, что Казахстан не руководствуется социалистической моделью высшего образования. Став участником Болонского (европейского) процесса, Республика Казахстан становится приверженцем той модели высшего образования, которая может иметь наименование «европейско-демократическая система высшего образования».

Сравнивая приверженность к болонской системе высшего образования Казахстана и России, нужно сказать, что до недавнего времени наши страны придерживались примерно одной линии поведения в отношении европейской системы высшего образования. Обе страны взяли на вооружение такие формы образования в виде бакалавриата, послевузовского образования в виде магистратуры и докторантуры PhD. И Казахстан, и Россия в соответствии с требованиями болонского процесса внедрили кредиты, академическую мобильность для преподавателей и студентов, расширили доступ к высшему образованию, обеспечивали более успешное трудоустройство выпускников за счет более четкой ориентированности обучения на потребности рынка труда. Такой подход демонстрировал бы желание руководителей отраслей высшего образования и университетов обеих стран следовать курсом развитых стран в этом вопросе.

Добившись карьерного роста в сфере высшего образования, руководители, управленцы сферы высшего образования должны щедро делиться со студентами, магистрантами и докторантами своим личным управленческим, руководящим опытом, подбирать кадры таким образом, чтобы они могли донести до них лучшие управленческие практики и инновации во многих сферах деятельности, поскольку по окончании университетов большинство из них будет руководить малыми и большими коллективами.

Управление сферой высшего образования может охватывать все имеющиеся в стране высшие учебные заведения, которые управляются в равной степени процедурно-регуляторным механизмом одного и того же закона (законов) и всего законодательства в целом. Но некоторые государства могут выделять некоторые университеты в качестве основных в стране. Например, в России выделяют Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет: им

предоставлены особый статус и самостоятельность в образовательном процессе. В этой связи есть смысл в казахстанском законе об образовании назвать «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева» и «Казахский национальный университет имени аль-Фараби» вузами, имеющими особый статус и самостоятельность при составлении образовательного стандарта по каждой обучаемой специальности и свои стандарты по методике их преподавания, по управленческим вопросам, по вопросам соответствующего финансирования, преподавания и ведения научно-исследовательской деятельности. Но такой статус столичных университетов по закону должен обязывать курирование теми или иными региональными университетами страны.

Россия болонские формы высшего образования сочетала с формой 5-летнего образования еще с советских времен и назвала эту форму специалитетом. Казахстан в известном смысле воспринял специалитет, но без особого энтузиазма, а больше уделял и уделяет внимания бакалавриату, магистратуре и докторантуре PhD со всеми присущими им элементами этих форм высшего образования. Отличие российской научно-вузовской системы от аналогичной системы Казахстана состоит в том, что Казахстан полностью перешел на защиту магистерских и докторских «PhD» диссертаций, полностью отказавшись от советской научной системы в виде защиты кандидатской и докторской диссертаций. Россия добавила защиту магистерских и докторских диссертационных работ, но тем не менее оставила защиту традиционных кандидатских и докторских диссертаций.

В настоящее время Российская Федерация в связи с конфликтом в Украине и введением западными странами экономических санкций против России решила отказаться от Болонской системы и полностью вернуться к советской системе высшего образования. Тем самым образовалась существенная разница в приверженности Казахстана и России к Болонской системе высшего образования. Казахстан остаётся сторонником европейско-континентальной модели высшего образования. Но при этом следует иметь в виду, что этот возврат России к прежней системе происходит не в полном объеме. В частности, нет идеологически руководящей роли КПСС в вузовской системе, в университетах нет партийных ячеек каких-либо политических партий, в том числе Единой партии России. Причем отказ России от болонской системы высшего образования происходит постепенно, не одномоментно. Надо полагать, что в недалеком будущем Россия может вернуться к советской системе высшего образования. Но было бы желательно, чтобы Россия вернулась к болонской системе высшего образования.

На наш взгляд, Казахстану нецелесообразно следовать российскому курсу в выборе советской системы высшего образования прежде всего потому, что Казахстан может оказаться за бортом международного сотрудничества в особенно с теми странами, которые занимают в международных рейтингах по образованию первые места, являются лидерами в сфере новейших цифровых

технологий, квантовых технологий, технологий искусственного интеллекта; его вузы и студенты, магистранты, докторанты «PhD», профессора-преподаватели могут растерять потенциал академической мобильности. Обучающиеся молодые люди могут потерять возможность перехода от казахстанского вуза в любой европейский вуз (университет), им не будут засчитаны в качестве аналогичных пройденные учебные предметы и курсы и не будут признаваться дипломы на обоюдной основе. Более того, Казахстан должен учитывать опыт Китая, который, занимая 1 место в мире по числу обучаемых китайских студентов за рубежом, стремится увеличить численность иностранных студентов в своих университетах [5].

Акт (Закон) Великобритании (Англии и Уэльса) от 27 октября 2004 года «О высшем образовании» № 2781 концентрирует свое внимание преимущественно на принципах, имеющих отношение к финансированию сферы высшего образования в данной стране, к которым следует отнести: принцип выделения денежных средств университетам на условиях, установленных «английскими финансирующими органами»; принцип необходимости «наличия руководящего органа» учебного заведения, с которым финансирующий орган должен вступать в соответствующие финансовые правоотношения. Рациональное финансирование государством отрасли высшего образования и соответствующих высших учебных заведений можно признать одним из существенных аспектов управления деятельностью высших учебных заведений.

Нужно иметь в виду, что управление должно осуществляться не ради самого управления, а ради укрепления социальной «миссии высших учебных заведений путем обеспечения высокого уровня преподавания, подготовки кадров и научных исследований, а также служения обществу». Так трактует Всемирная декларация о высшем образовании. И она же далее требует, что надлежащая «руководящая роль в сфере высшего образования была основана на серьезной социальной ответственности» и усилена диалогом «со всеми партнерами в этой области, в особенности с преподавателями и учащимися». Далее в этом же международном образовательном документе говорится о необходимости обеспечения того, чтобы профессора и преподаватели не только преподавали, вели научные исследования и наставническую работу со студентами, но и участвовали в решении процедурных вопросов в ходе руководства делами своего учебного заведения, в частности, в составе научных, ученых, диссертационных и иных советов.

При переходе от централизованной командной экономики к рыночной экономике и преимущественно от общественной, государственной собственности к частной, при смене идеологий безусловно в постсоветских странах, в том числе в Казахстане, начали меняться системы высшего образования, стала осуществляться существенная трансформация в сфере образования, высшего образования, что привело к необходимости установления сочетания рыночных и государственных регуляторов. Государственное регулирование в этой сфере не исчезло, рыночное регулирование стало

укреплять свои позиции в этой социальной области. Государственный и рыночный регуляторы достигают адекватного балансирования. Определились контуры сочетания казахстанского государства и рынка на фоне интернациональной гармонизации пространства по вопросам образования. В этой связи достаточно резко изменились концептуальные подходы и законодательство об образовании, в том числе высшего образовании. На этой основе подверглись изменению формы и методы руководства, управления всей сферой высшего образования и каждого вуза в отдельности.

Для того, чтобы отличать модели высшего образования друг от друга нужно учитывать весь комплекс факторов, которые формируют ту или иную систему. Социально-экономические показатели любой модели высшего образования являются ее системообразующими признаками. Причем следует подчеркнуть, что в составе этих социально-экономических показателей соотношение государственного и рыночного регулирования образовательной среды играет чрезвычайно важную роль. Не только Казахстан, но и многие зарубежные страны озабочены поисками рационального сочетания государственных и рыночных регуляторных инструментов с тем, чтобы обеспечить ускоренное развитие системы высшего образования. В связи с этим представляет интерес оценка систем образования в различных странах с точки зрения сочетания механизмов рыночного и директивного регулирования.

Результаты. Надо определить теоретические подходы оптимального соотношения государственного и рыночного регулирования. В течение почти всего XX столетия в СССР для высшего образования была характерна централизованно-государственная система управления. Ученые зарубежных стран говорили о неизбежности усиления рыночного регулирования сферы высшего образования. Основной проблемой является не столько создание частных университетов, а обеспечение надлежащего качества высшего образования в условиях возрастания рынка и его вмешательства в сферу управления университетами, в условиях потери монополии государства на управление сферой высшего образования. В условиях необходимости внедрения технологических, цифровых инноваций в процесс деятельности образовательной сферы западные страны придерживаются такой системы высшего образования, которая характеризуется 2-мя существенными признаками: а) преобладанием рыночных регуляторов над государственными; б) фундаментальной подготовкой специалистов в прикладном, утилитарном ключе. В западных странах видна четкая аффилированность университетов с корпорациями. Доля тесной связи высших учебных заведений этих стран с корпорациями выросла с 5,61 процента в 1997 году с постепенным возрастанием до 26,6 процента в 2005 году. Сегодня наблюдается более тесное сотрудничество компаний с университетами этих стран.

Для казахстанской системы высшего образования характерен отрыв, отсутствие должной связи с компаниями, предприятиями страны. Руководящиеся лица сферы высшего образования Казахстана могли бы

присмотреться к приведенному опыту зарубежных университетов в целях его заимствования и оптимального применения в управленческой и управленческо-педагогической практике страны.

В этой связи нужен новый казахстанский закон под примерно таким названием «*Об обеспечении тесной связи и сотрудничества высших учебных заведений с компаниями, предприятиями, учреждениями республики и подготовки на уровне бакалавриата специалистов прикладной направленности*». Как правильно заметил министр науки и высшего образования Республики Казахстан С.Н. Нурбек, главной целью любого вуза страны должно стать практически 100-процентное трудоустройство его выпускников.

Руководящие лица системы высшего образования, высших учебных заведений развитых стран добиваются феноменальных успехов в своей сфере в масштабе своей страны, континента, планеты, в частности, потому, что они четко на высокопрофессиональной основе представляют себе основы и детали своего управленческого дела в отношении своих университетов, а также в нюансах представляют себе требования, закладываемые в международные рейтинги высших учебных заведений планеты и стремятся скрупулезно и тщательно стремятся выполнять их. Об этом, к примеру, говорится в научной статье «Влияние международных рейтингов на французские университеты» [6]. Этот опыт западных университетов было бы целесообразно обобщить и распространить среди руководителей всех высших учебных заведений Казахстана независимо от его государственного или частного профиля.

Казахстанские и зарубежные ученые в процессе решения проблемы соотношения, сочетания регуляторов системы высшего образования, сформулировали свои подходы. Координаторами высшего образования можно назвать 3 субъекта: государство, рынок и академическое сообщество в лице профессоров и преподавателей. Все три субъекта осуществляют контроль с учетом специфики своей организации. Так, государство осуществляет бюрократический контроль, рынок – рыночный контроль, академическое сообщество – профессиональный, коллегиальный контроль. Это касается и тех казахстанских университетов, которые с недавних пор начали функционировать в режиме автономии. Термин «автономия» не должен восприниматься как «абсолютная самостоятельность». Все университеты страны, в том числе автономные, государственные и частные, не освобождены от контроля со стороны государства: правительства, парламента, министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. В стране, в вузовской системе должно быть единое понимание «автономности высшего учебного заведения». В этой связи необходимо учредить Национальный комитет по контролю над деятельностью вузов Республики Казахстан. Нормы о статусе такого контрольного органа, его прав и обязанностей, а также термин «автономия вуза» и другие вопросы должны быть размещены в действующем Законе Республики Казахстан от 27 июля 2007 года «Об образовании» или в будущем казахстанском законе «О высшем образовании».

Тем не менее, следует отметить, что независимо от направленности любой модели высшего образования в мире, без поддержки финансовой, организационной, законодательной поддержки со стороны государства не обойтись. Эта мысль зафиксирована в статьях 13 и 14 Всемирной декларации о высшем образовании. Так, статья 13 говорит о необходимости совершенствования управления и финансирования в сфере высшего образования, что возможно за счет «развития соответствующих потенциалов и стратегий планирования и анализа политики, основывающихся на партнерских связях, устанавливаемых между высшими учебными заведениями и государственными и национальными органами планирования и координации, с тем чтобы обеспечить надлежащим образом упорядоченное управление и использование ресурсов с учетом критерия «затраты - эффективность». Далее составители этого всемирного документа предлагают: «Высшие учебные заведения должны перейти к практике перспективного управления, отвечающей потребностям той среды, в которой они действуют». Улучшение сферы управления системой высшего образования возможно, говорится далее в этой же статье Декларации, в том случае, если «лицам, занимающимся управлением сферой высшего образования» будут присущи «высокая ответственность, компетентность и способность к регулярной оценке эффективности процедур и административных правил при помощи внутренних и внешних механизмов».

То, что государства продолжают играть важную роль в управлении процессом высшего образования путем его финансирования, подтверждают составители статьей 14 Всемирной декларации о высшем образовании: «Финансирование высшего образования требует привлечения как государственных, так и частных средств». При этом в данном документе подчеркивается, что «государственное финансирование высшего образования сохраняет свою важность». «Государственная поддержка высшего образования и научных исследований, - продолжает эта же статья Декларации, - по-прежнему имеет важнейшее значение для обеспечения сбалансированного решения образовательных и общественных задач». При этом Декларация в этой же статье исходит из того, что участие общества в целом по оказанию устойчивого экономического, социального и культурного развития, содействует развитию высшего образования. Данная статья Декларации вполне резонно считает, что реализации этой цели зависит «от информированности общественности и участия государственного и частного секторов экономики, парламентов, средств информации, правительственных и неправительственных организаций, учащихся и учреждений, семей и всех представителей общества, причастных к высшему образованию». Как видим, реальное функционирование и управление процессами высшего образования зависит от усилий многих государственных органов, а также от частного сектора и практически всех сегментов общества.

В составе управленческих кадров, руководителей образовательного министерства, ректора всегда должны быть энтузиасты учебно-методического дела, которые умело могли направлять учебно-методический процесс, чтобы

студенты обучались не только теории, но и практическим навыкам будущей профессии, чтобы они профессионально проводили опыты в лабораториях, полевых условиях, четко на постоянной основе решали кейсы, следственные, судебные дела, дела по трудовым спорам на практических занятиях [7], чтобы они практику и стажировку рассматривали как адаптационный период на производстве, куда они придут после получения диплома. Тем самым выпускники университетов могли бы практически сразу по прибытии на работу проявлять свой профессионализм [8]. На эту сторону организационно-управленческого дела нужно обращать внимание всех ректоров, советов, проректоров (первых проректоров), проректоров высших учебных заведений Казахстана.

Для того, чтобы добиться успехов в этом направлении министр высшего образования, ректоры высших учебных заведений страны должны в своей управленческой деятельности добиваться того, что их окружали талантливые управленцы, подбор кадров осуществлять таким образом, что на каждом факультете функционировала команды способных управленцев и специалистов как в сфере управления факультетом, так и в сфере организации преподавания [9]. Именно такой подход должен быть присущ руководящим должностным лицам сферы высшего образования в Казахстане.

На основании указа Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 года был произведен перевод системы высшего образования на трехуровневую структуру: в виде базового высшего образования, специализированного высшего образования и аспирантуры. Срок обучения для получения базового образования установлен от 4-х до 6-ти лет. Это основное образование проявилось в бакалавриате и специалитете. Второй этап высшего образования позволяет студенту приобрести дополнительную квалификацию, которая называется «специализированным высшим образованием». На этом этапе функционируют на одинаковом уровне магистратура, ординатура. Сроки обучения составляют от 1-го года до 2-х лет. На 3-м этапе высшего образования происходит продолжение обучения в аспирантуре, благодаря которой обеспечивается подготовка кадров для преподавательской и научной деятельности. Тестирование новой системы высшего образования с 2023 года будут вести в 6-ти ведущих вузах России.

Благодаря государственному акту «Америка 2000», уставам Гарвардского, Йельского, Принстонского, Стэнфордского и других университетов управленческая работа в сфере высшего образования поставлена так, что она содействует росту знания, раскрытию в каждом студенте его творческого потенциала, повышению его интеллектуальных способностей, умению мыслить критически, что позволяет студенту на выходе из университета иметь не только солидные профессиональные знания, но и уметь руководить малым и большим коллективом, грамотно разрешать трудовые конфликты, творчески оценивать любую жизненную ситуацию. Казахстанские специалисты в сфере высшего образования могли бы досконально изучить приведенные выше эти и другие

документы, посещать лучшие университеты Америки, вступать в договорно-правовые отношения по сотрудничеству с ними и добиваться того высокого качества подготовки специалистов, которых выпускают лучшие университеты в США и мире. Причем в рамках этого сотрудничества подготовка казахстанских граждан в этих университетах могла бы состояться на уровне бакалавриата, магистратуры и докторантуры (аспирантуры). Государственному бюджету Республики Казахстан затруднительно направлять на учебу молодых граждан именно в эти университеты, поскольку оплата в них за обучение высока. Думается, казахстанские специализированные учреждения могли бы использовать систему бесплатных грантов в этих университетах, покрывать недостающие суммы за счет казахстанских министерств, фондов, состоятельных родителей.

Статьей 13 Всемирной декларации о высшем образовании XXI века конечной целью управления ставит «укрепление институциональной миссии высших учебных заведений путем обеспечения высокого уровня преподавания, подготовки кадров и научных исследований, а также служения обществу». Эта цель побуждает иметь такое руководство, которое могло бы сочетать в себе «социальное видение, включая понимание глобальных вопросов, с навыками эффективного управления». Подытоживая суждения о руководстве отраслью высшего образования, нужно подчеркнуть, что «руководящая роль в сфере высшего образования подразумевает серьезную социальную ответственность и в значительной мере может быть усилена путем диалога со всеми партнерами в этой области, в особенности с преподавателями и учащимися». Совершенствование управления системой высшего образования и каждым университетом в отдельности может и должно быть усилено активным участием «преподавательского состава в работе руководящих советов, действующих высших учебных заведений с учетом необходимости разумного ограничения численного состава руководящих органов этих учреждений» (статья 13 Всемирной декларации о высшем образовании XXI века). Эта статья Всемирной декларации согласуется с мыслями таких, к примеру, аналитиков, как Гуерреро Марибел, Менгер Маттиас [10].

Заключение. Подытоживая, скажем, что руководство отраслью высшего образования можно продемонстрировать на примере компетенции руководящих государственных органов Казахстана в сфере образования, включая высшее образование. Эту компетенцию можно исследовать на основе статей 4 и 5 казахстанского закона об образовании. Так, статья 4 казахстанского закона об образовании определяет компетенцию исполнительного органа Республики Казахстан в области высшего образования следующим образом: «Правительство Республики Казахстан: вносит представление Президенту Республики Казахстан о присвоении особого статуса организациям высшего и (или) послевузовского образования и утверждает положение об особом статусе организаций высшего и (или) послевузовского образования; создает, реорганизует и ликвидирует по представлению органа государственного

управления государственные организации образования, финансируемые за счет бюджетных средств, если иное не предусмотрено законами Республики Казахстан». Было бы желательно внимательно изучить порядок финансирования внедрения цифровых инструментов в учебный процесс государственных вузов, принятый в продвинутых зарубежных странах, для заимствования этого опыта в казахстанском государстве [11].

Статьей 5-3 Закон Республики Казахстан «Об образовании» определяет компетенцию уполномоченного органа (министерства науки и высшего образования) в области образования, согласно которому уполномоченный орган в области высшего образования реализует следующие полномочия: «обеспечивает соблюдение конституционных прав и свобод граждан в области образования; формирует и реализует единую государственную политику в области высшего и послевузовского образования, осуществляет межотраслевую координацию, разрабатывает и реализует международные программы в области высшего и послевузовского образования и науки»; осуществляет образовательный мониторинг и информационное обеспечение системы управления образованием, утверждает правила организации и функционирования объектов информатизации в области образования; утверждает правила проведения мониторинга по итогам приема обучающихся в организации высшего и (или) послевузовского образования по образовательным программам; выдает юридическим лицам лицензию и (или) приложение к лицензии на занятие образовательной деятельностью на предоставление высшего образования по направлениям подготовки кадров и формам обучения; послевузовского образования по направлениям подготовки кадров и формам обучения; духовного образования».

Как видим, у министра науки высшего образования есть полномочие по формированию и реализации политики «в области высшего и послевузовского образования». Думается, что ему есть смысл присмотреться к управленческому опыту университетов США, изучить его, где у целого ряда университетов управленческие полномочия в значительной мере переданы на уровень школ (факультетов), что вывело их на самый высокий уровень высшего образования. Возможно поэтому не исключено, что все 8 университетов США, входящих в «Лигу плюща», являются самыми лучшими университетами мира. Поэтому есть смысл попробовать применить этот уникальный управленческий опыт в системе высшего образования в Казахстане.

Данное исследование осуществлено при финансовой поддержке Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН АР 19680224).

Бұл зерттеу Қазақстан Республикасының ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қаржылай көмегімен жүргізілді (АР 19680224)

This research has been/was/is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP 19680224).

Список литературы

1.Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры» от 9 октября 1998 года - URL: <https://ex-es/t/pdf/5.pdf> (дата обращения: 03.01.2024).

2.Mattson, Pauline & Perez Vico, Eugenia & Salö, Linus. (2024). Making Universities Matter: Collaboration, Engagement, Impact. 236 p. DOI: 10.1007/978-3-031-48799-6.

3.Javier, Ricardo & Albarracín Vanoy, Ricardo. (2024). Educational Transformation: Optimization in the Teaching of Logistics in International Business through the Application of Artificial Intelligence in Higher Education Institutions. Salud Ciencia y Tecnología - Serie de Conferencias. Vol. 2. Pp. 1-9. 10.56294/sctconf2023422.

4.Закон КНР «О высшем образовании» - URL: http://en.moe.gov.cn/documents/laws_policies/201506/t20150626_191386.html; moe.gov.cn).

5.Қытайдағы шетелдік студенттердің Гуйчжоға саяхаты // Көршілес. 2023. № 6 (188). 5-ші бет.

6.Tandilashvili, Nino & Tabatadze, Marina & Tandilashvili, Anna. (2024). Impact of International Rankings on French Universities. Pp. 1-15. DOI: 10.20944/preprints202401.1656.v1.

7.Batizani, Duncane & Mpundu, Mubanga. (2024). Empirical Analysis of Student Engagement and Learning Experiences in Quality Assurance: A Multiple Case Study Approach. Indonesian Journal of Educational Research and Review. Vol. 4. Pp. 237-258.

8. Kayyali, M. (2024). Career Development in Higher Education: Best Practices and Innovations. Pp. 1-4. DOI: 10.4018/979-8-3693-0517-1.ch001.

9.Shen, Shusheng & Deng, Yansheng. (2024). A Performance Prediction Method for Talent Team Building Based on Integrated ISA-BP Neural Networks. ICST Transactions on Scalable Information Systems. Pp. 1-14. DOI: 10.4108/eetsis.4890.1.

10.Guerrero, Maribel & Menter, Matthias. (2024). Driving change in higher education: the role of dynamic capabilities in strengthening universities' third mission. Small Business Economics. Pp. 1-17. DOI: 10.1007/s11187-024-00869-4.

11.Tózsá, István & Csuhai, Sándor & Dr. Budai, Balázs. (2023). Digital Competence Development in Public Administration Higher Education. Sustainability. Pp. 1-15. DOI: 10.3390/su151612462.

References

1. Vsemirnaya deklaratsiya o vysshem obrazovanii dlya KHKHI veka: podkhody i prakticheskiye mery» ot 9 oktyabrya 1998 goda [World Declaration on Higher Education for the 21st Century: Approaches and Practical Measures”, dated October 9, 1998]. - URL: <https://ex-es/t/pdf/5.pdf> (data obrashcheniya: 03.01.2024). in Russian.
2. Mattson, Pauline & Perez Vico, Eugenia & Salö, Linus. (2024). Making Universities Matter: Collaboration, Engagement, Impact. 236 p. DOI: 10.1007/978-3-031-48799-6.
3. Javier, Ricardo & Albarracín Vanoy, Ricardo. (2024). Educational Transformation: Optimization in the Teaching of Logistics in International Business through the Application of Artificial Intelligence in Higher Education Institutions. *Salud Ciencia y Tecnología - Serie de Conferencias*. Vol. 2. Pp. 1-9. [10.56294/sctconf2023422](https://doi.org/10.56294/sctconf2023422).
4. Zakon KNR «O vysshem obrazovanii» [Law of the People's Republic of China "On Higher Education"]. - URL: http://en.moe.gov.cn/documents/laws_policies/201506/t20150626_191386.html; moe.gov.cn. in Russian.
5. Kytaydağy sheteldik studentterdin Guychzhoga sayakhaty [Travel of international students to Guizhou, China] // *Körshiles*. 2023. 06 (№ 188). 5-bet. In Kazakh.
6. Tandilashvili, Nino & Tabatadze, Marina & Tandilashvili, Anna. (2024). Impact of International Rankings on French Universities. Pp. 1-15. DOI: [10.20944/preprints202401.1656.v1](https://doi.org/10.20944/preprints202401.1656.v1).
7. Batizani, Duncane & Mpundu, Mubanga. (2024). Empirical Analysis of Student Engagement and Learning Experiences in Quality Assurance: A Multiple Case Study Approach. *Indonesian Journal of Educational Research and Review*. Vol. 4. Pp. 237-258.
8. Kayyali, M. (2024). Career Development in Higher Education: Best Practices and Innovations. Pp. 1-4. DOI: [10.4018/979-8-3693-0517-1.ch001](https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0517-1.ch001).
9. Shen, Shusheng & Deng, Yansheng. (2024). A Performance Prediction Method for Talent Team Building Based on Integrated ISA-BP Neural Networks. *ICST Transactions on Scalable Information Systems*. Pp. 1-14. DOI: [10.4108/eetsis.4890.1](https://doi.org/10.4108/eetsis.4890.1).
10. Guerrero, Maribel & Menter, Matthias. (2024). Driving change in higher education: the role of dynamic capabilities in strengthening universities' third mission. *Small Business Economics*. Pp. 1-17. DOI: [10.1007/s11187-024-00869-4](https://doi.org/10.1007/s11187-024-00869-4).
11. Tózsá, István & Csuhai, Sándor & Dr. Budai, Balázs. (2023). Digital Competence Development in Public Administration Higher Education. *Sustainability*. Pp. 1-15. DOI: [10.3390/su151612462](https://doi.org/10.3390/su151612462).

DOI: <https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2024-8-1-22-32>

Some aspects of implementation by states of decisions of international bodies

Borubashov Bekbosun Ishenbekovich

doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Constitutional Law, Kyrgyz-Russian Slavic University
Bishkek, Kyrgyz Republic
e-mail: aldash@yandex.ru

Abaideldinov Yerbol Musinovich

doctor of juridical science, professor, professor of the L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan
e-mail: erbolabay@mail.ru

Abstract: This article explores the relationship between a nation's constitution and the decisions made by international organizations within a sovereign country's territory. It analyzes international legal documents and examines how international law aligns with national law, particularly in the context of human rights. The article emphasizes that, for individuals residing within a specific country, their primary legal framework is the domestic law, which is built upon the nation's constitution. However, it acknowledges the significance of universally recognized human rights and freedoms outlined in the Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948, as a document bridging international and national law. The conclusion suggests that a productive approach to protecting human rights involves harnessing the potential of international, integration, and national legal systems.

Keywords: international law, human rights, constitution, international organization, international body, interaction.

Халықаралық органдардың шешімдерін мемлекеттердің орындауының кейбір аспектілері

Борубашов Бекбосун Ишенбекович, заң ғылымдарының докторы, профессор, Қырғыз-Ресей Славян университеті халықаралық және конституциялық құқық кафедрасының меңгерушісі
Қырғыз Республикасы, Бішкек
e-mail: aldash@yandex.ru

Абайділданов Ербол Мусинұлы
заң ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры

Астана қ., Қазақстан Республикасы.

e-mail: erbolabay@mail.ru

Түйіндеме. Мақалада ұлттық Конституцияның құқықтық күші мен егеменді ел аумағындағы әртүрлі халықаралық ұйымдар мен олардың органдарының шешімдерінің арақатынасы қарастырылған. Халықаралық құқықтық құжаттар, Халықаралық құқық пен ұлттық құқық нормаларының арақатынасының кейбір аспектілері талданады. Адам құқықтарына қатысты салада азамат пен белгілі бір елдің аумағында тұратын адам үшін егеменді мемлекет Конституциясының ережелері негізінде және оны дамытуда қалыптасқан оның қолданыстағы құқығы ең жақын және тиімді реттеуші болып табылатыны атап өтілді. Бұл ретте халықаралық құқық пен ұлттық құқықты біріктіретін негізгі құжат 1948 жылғы 10 желтоқсандағы адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясында баяндалған адамның жалпыға бірдей танылған құқықтары мен бостандықтары болып табылады. Адам құқықтарын неғұрлым тиімді қорғау мақсатында халықаралық, интеграциялық және ұлттық құқықтың мүмкіндіктерін біріктіру нәтижелі болады деген қорытындыға келді.

Негізгі сөздер: халықаралық құқық, адам құқықтары, конституция, халықаралық ұйым, халықаралық орган, өзара іс-қимыл.

Некоторые аспекты выполнения государствами решений международных органов

Борубашов Бекбосун Ишенбекович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и конституционного права юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета

г. Бишкек, Кыргызская Республика

e-mail: aldash@yandex.ru

Абайдельдинов Ербол Мусинович

доктор юридических наук, профессор, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева

г. Астана, Республика Казахстан.

e-mail: erbolabay@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы соотношения юридической силы национальной конституции и решений различных международных организаций и их органов на территории суверенной страны. Проанализированы международно-правовые документы, некоторые аспекты соотношения норм международного права и национального права. Отмечено, что в сфере, касающейся прав человека, для гражданина и человека, проживающего на территории конкретной страны, наиболее близким и эффективным регулятором

является ее действующее право, сформированное на основе и в развитие положений Конституции суверенного государства. При этом основным документом, объединяющим международное право и национальное право, являются общепризнанные права и свободы человека, изложенные во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года. Сделан вывод о том, что в целях более эффективной защиты прав человека продуктивным будет объединение возможностей международного, интеграционного и национального права.

Ключевые слова: международное право, права человека, конституция, международная организация, международный орган, взаимодействие.

Introduction. At the present stage, humanity has gained considerable experience in the field of interaction between international and national law, nevertheless, along with the processes of constant development of international relations, economic and political processes, issues of the order and limits of international law, decisions of international bodies on the territory of a sovereign country periodically arise in different countries of the world.

In general, in this matter, almost all researchers are supporters of the conscientious and full implementation by States of concluded international treaties in accordance with the principle of "Pacta sunt servanda", which, according to the wording of article 26 of the Vienna Convention on the Law of Treaties, means that "Every existing treaty is binding on its parties and must be faithfully implemented by them" [1]. Here it is necessary to pay attention to the fact that the Vienna Convention on the Law of Treaties does not so categorically affirm the principle of unconditional fulfillment of international treaties. Experts, as a rule, cite the first half of article 27 of the Vienna Convention: "A party may not invoke the provisions of its domestic law as an excuse for its failure to fulfill a contract," without particularly emphasizing that further in the same article of the Convention, a significant exception to the rule of mandatory fulfillment of contracts is allowed: "This rule applies without without prejudice to article 46." Indeed, article 46 of the Vienna Convention on the Law of Treaties allows for the possibility, in certain cases, of a party to a treaty not fulfilling its obligations. This applies both to procedural aspects when concluding a contract (a clear violation of a provision of the internal law of the State concerning the competence to conclude contracts) and to the substantive part of the contract – a violation of the norms of the internal law of the State of particular importance. It is quite obvious that the set of norms of "particularly important importance" for any State is their constitutions. This article is devoted to some aspects of the implementation by sovereign states of decisions of bodies of international organizations.

Methods and materials. The material for the study was international legal documents (the Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948, the Charter of the United Nations of October 24, 1945, the Syracuse Principles for the Interpretation of Restrictions and Derogations from the Provisions of the International Covenant on Civil and Political Rights 1985, the Limburg Principles for the

Implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, adopted in 1986 G., the Constitution of the Republic of Kazakhstan, examples from the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, The Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, etc.). The methods of legal analysis, comparative, synthesis, as well as a historical approach to research are applied).

Discussion. Certain problems arise regarding the timeliness and completeness of the execution of decisions of various international organizations and their bodies on the territory of a sovereign country. For the most part, this situation is observed in the field of international human rights law, when some international as well as regional organizations and their bodies, including judicial ones, make such recommendations, conclusions, decisions that are perceived by sovereign States as not conforming to the constitutions in force in the country, established ethical, religious and moral traditions, and Sometimes they are regarded by States as the imposition of alien values, as interference in their internal affairs.

This applies, for example, to a number of decisions of the European Court of Human Rights (ECHR) issued in relation to cases related to the implementation by member States of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ECHR); some recommendations of the UN treaty bodies contained in the Concluding Observations on the periodic reports of countries on the amendment of certain norms of national legislation, the powers of the constitutional control bodies and even the constitutions of states [2], etc. For example, on July 14, 2015, the Constitutional Court of the Russian Federation ruled that the decisions of the European Court of Human Rights (ECHR) should be executed taking into account the supremacy of the Constitution of the Russian Federation. At the same time, the Constitutional Court of the Russian Federation noted that if the ECHR interprets the Convention contrary to the Constitution of the Russian Federation, then by virtue of the supremacy of the Basic Law, Russia will be forced to abandon literal adherence to the ruling of the Strasbourg Court. It is further noted that "this conclusion correlates with the practice of the highest courts of European countries (in particular, Germany, Italy, Austria, Great Britain), which also adhere to the principle of priority of the norms of national constitutions in the execution of decisions of the ECHR, and the norms of the Vienna Convention on the Law of Treaties. At the same time, when resolving such conflicts, it is necessary not to strive for self-isolation, but to proceed from the need for dialogue and constructive interaction. Only in this way can truly harmonious relations be built between the legal systems of Europe, the basis of which will not be subordination, but mutual respect" [3].

It should be borne in mind here that each State, in the course of its historical development, has developed different approaches to the implementation of its international legal obligations on its territory, and this is due to its civilizational characteristics. It is quite natural that taking into account the factor of civilization, the peculiarities of the culture of each country, is also laid down in the main international legal documents in the field of human rights. Thus, paragraph 2 of article 29 of the

Universal Declaration of Human Rights, paragraph 3 of article 12 of the International Covenant on Civil and Political Rights [4], articles 4, 8 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights[5] allow restrictions on the exercise of human rights and freedoms that can be established by national law "exclusively in order to ensure due recognition and respect for the rights and freedoms of others and to meet the just requirements of morality, public order and general welfare in a democratic society" [6].

In 1985, the Syracuse Principles for the Interpretation of Limitations and Derogations from the Provisions of the International Covenant on Civil and Political Rights were adopted. Article 58, paragraph D of Section II, "Derogations from rights in connection with a state of emergency", develops paragraph 2 of article 4 of the ICCPR, according to which, during a State of emergency in a State in which the life of the nation is under threat and the existence of which is officially announced, States parties to the Covenant may take measures derogating from their obligations obligations under the Pact. But this provision cannot serve as a basis for any derogations from articles 6, 7, 8 (paragraphs 1 and 2), 11, 15, 16 and 18.

In paragraph "D. Rights that cannot be derogated from", it is stated that "58. No State Party, even during a state of emergency threatening the life of the nation, has the right to derogate from the articles of the Covenant guaranteeing the right to life; the right to freedom from torture or cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, as well as medical or scientific experiments without free consent; the right to freedom from slavery, slave trade and servitude; the right to freedom from imprisonment due to inability to fulfill any contractual obligation; the right to ensure that criminal liability is determined by the provisions of only the legislation that was in force and applied at the time of the act or omission, except in cases where later legislation established a lighter punishment; the right to recognition of a person's legal personality; the right to freedom thoughts, conscience and religion.

The rights enshrined in these provisions are not subject to derogation under any circumstances, even with the confirmed goal of preserving the life of the nation" [7].

The Limburg Principles for the Implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, adopted in 1986 (part of the provisions of which are based on the Syracuse Principles), in paragraph 6 contains a provision that "The realization of economic, social and cultural rights can be achieved in various political conditions. There is no single way to fully implement them..." [8]. Regarding the issue of violations of economic, social and cultural rights, the document notes that "In determining what constitutes non-fulfillment of obligations, it is necessary to take into account that the Covenant provides the State party with a certain degree of freedom in choosing the means used to achieve its goals ..." and paragraph 72 provides a list of cases when the State partythe participant violates the Pact. It is noteworthy that almost all of them are characterized by the State's intention not to comply with one or another provision of the Covenant: "intentionally does not comply with generally recognized minimum international standards for the exercise of rights that it is able to comply with"; ... "intentionally delays or suspends the progressive realization of a right, except

in cases where it acts within the limits permitted by the Covenant, or commits such actions due to lack of available resources or force majeure"; "does not submit reports in accordance with the requirements of the Covenant".

The Maastricht Guidelines on Violations of Economic, Social and Cultural Rights of 1997 also emphasize that one of the qualifying signs of a violation of the Covenant by a State party is "intent": "11. A violation of economic, social and cultural rights occurs when a State implements, through action or omission, a policy or practices that intentionally contradict or ignore the obligations of the Covenant, or do not achieve the required standards of conduct or result." Otherwise, States "enjoy a certain degree of freedom of action in choosing the means to fulfill their obligations" [9].

That is, there are documents in international law that regulate in sufficient detail the possibility of choosing the means of implementing the norms of international legal documents, including restrictions on certain human rights in emergency situations declared by the State for a given period.

Cases of "intentional" violations of international human rights law occur, as a rule, during armed conflicts, and here the norms of international humanitarian law come into force. In ordinary, peaceful life, the state, in accordance not only with its international legal obligations, but also simply because of its own self-preservation, tends not to create such "intentional" violations.

As noted above, the Bill of Human Rights also contains norms that allow for the restriction of human rights, the appearance of which is associated with taking into account the culture of the country, the peculiarities of its historical (legal, religious, etc.) development. Civilizations and cultures that have developed over centuries or even millennia, as a rule, perceive innovations rather cautiously, or do not accept them due to incompatibility with their traditional culture, and defend their values.

The Treaty on the European Union (DES), which is currently the main constituent document of the European Union, shows an example of defending one's civilizational identity. Thus, paragraph 1 of article 3 of the Treaty on European Union contains the following provision: "1. The Union's aim is to promote peace, *its values* and the well-being of *its people*" [10].

It would be fair to recognize the same approach of emphasizing and defending *their civilizational values* for other countries, including Kazakhstan, as well as Russia and other post-Soviet countries, to which international bodies make decisions that are not always acceptable to sovereign subjects of international law.

In such cases, the key point of dispute is the recommendations (decisions) adopted by a small circle of specialists on the implementation of a particular norm of an international treaty recognized by the State in the country. It should be borne in mind that the recommendations of the bodies of international organizations are backed by very real experts with their own political and legal views, beliefs, who in some cases, even if there are reasoned objections from their expert colleagues, insist on the formulation of insufficiently substantiated, in the opinion of representatives of States, decisions (recommendations). Such an approach, in our opinion, is not productive, moreover, it does not correspond to the very purpose of international law, which is

aimed primarily at ensuring the peaceful, conflict-free functioning of the international system based on the coordination of the wills of the subjects of international relations.

In 2022, during a large-scale constitutional reform, President K.K. Tokayev set the task of recreating the Constitutional Court in Kazakhstan instead of the then-existing Constitutional Council. It should be emphasized here that the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan (CCRC) has carried out a significant, productive, constructive amount of work over all the years of its activity, including explaining the norms of the Constitution and on the issue of the correlation of norms of international and national law. A number of decisions of the CCRC have become fundamental in carrying out legislative work in the country, formed the basis for scientific argumentation of certain positions of official representatives of the state in the international arena, served to improve both projects and existing international treaties of Kazakhstan and other subjects of international law.

For example, explaining the provision of article 8 of the Constitution that the Republic of Kazakhstan respects the principles and norms of international law, the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan briefly and precisely, convincingly and indisputably indicated that this *"means the desire to take them into account when creating domestic law"*. [11].

When checking the constitutionality of the norms of international acts specified in the submission of the Kyzylorda Regional Court, the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan proceeded from a number of constitutional provisions, including those providing guarantees of the constitutional rights and freedoms of citizens of Kazakhstan (Article 12 of the Constitution), as well as the provisions of paragraph 2 of Article 2 of the Constitution, according to which the sovereignty of the Republic extends to its entire territory the territory. This principle, as emphasized by the Constitutional Council, means the independence and independence of Kazakhstan in matters of domestic and foreign policy, the supremacy of the state and its authorities within its territory.

Among the key documents adopted by the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan regarding the country's implementation of decisions of international organizations and their bodies is a Resolution dated November 5, 2009, in which the constitutional control body, based on the norms of the Basic Law, noted that, according to the Agreement on the Customs Union Commission of October 6, 2007, ratified by the Law of the Republic of Kazakhstan On June 24, 2008 (hereinafter referred to as the Agreement), the Customs Union Commission (hereinafter referred to as the Commission) was established in 2009. The Commission became the first truly functioning supranational body to which competence was transferred to ensure the conditions for the functioning and development of the Customs Union on the principles of voluntary phased transfer of part of the powers of the state bodies of the Parties to the Commission.

In this regard, a question has arisen in our country. The Constitution of the Republic of Kazakhstan does not contain a special provision providing for the possibility of transferring certain powers of state bodies of the country to international

organizations and their bodies. The Government of Kazakhstan, when considering the issue of how to implement the decisions of the Customs Union Commission, which are binding in accordance with Article 7 of the Treaty, appealed to the Constitutional Council of the Republic for an appropriate explanation.

The Constitutional Council, in its Resolution on this issue dated November 5, 2009, noted that "... decisions of international organizations and their bodies that violate the provisions of the Constitution that the sovereignty of the Republic extends to its entire territory and the inadmissibility of changing the unitarity and territorial integrity of the State established by the Constitution cannot be recognized as binding on Kazakhstan, forms of government of the Republic. Decisions of international organizations and their bodies that infringe on the constitutional rights and freedoms of man and citizen cannot be applied directly and, accordingly, have priority over the normative legal acts of the Republic of Kazakhstan" [12].

The Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, in an Additional Resolution dated May 22, 2023 "On the interpretation of paragraphs 2 and 4 of the Operative part of the normative resolution of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan dated November 5, 2009 ..." confirmed that "decisions of international organizations and their bodies to which the Republic of Kazakhstan is a party, adopted and entered into force without taking into account national interests and compliance with these conditions, including the decisions of the EEC Board, put into effect in accordance with the procedure established by the draft Protocol, They cannot be binding on the Republic, have the properties of a ratified international treaty and, accordingly, have priority over the laws of Kazakhstan" [13].

Results. The above provisions of the decisions of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan and then the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan must be taken into account when interacting with international organizations and international quasi-judicial bodies, which sometimes recommend countries to adjust not only legislation, but also the norms of the Constitution. As a rule, such recommendations are addressed to young sovereign states, which include Kazakhstan. It is precisely because of the supremacy of the Constitution of a sovereign country that decisions of international bodies should be taken during a constructive, mutually respectful dialogue with countries, and executed in accordance with the accepted domestic order.

The concept of "indivisibility, interdependence, interconnectedness" of human rights also implies the inclusion in this sphere of all levels of their provision and protection – from global to national, from universal international legal documents to national constitutions and domestic legislation that are closest to a person and a citizen and directly regulate the entire range of their rights and freedoms.

The Constitution of the Republic of Kazakhstan of 1995, as the Basic Law of the country, is a key document defining all aspects of the state and legal life of our country, including in the domestic implementation of international norms. This role is determined by the defining place of the Constitution in regulating the main activities of the state.

The Constitution does not just declare the intentions of the State in relation to international treaties, it gives specific guidelines and guarantees for their implementation, defines not only the procedure for introducing the norms of international law into the national legal system, but also its legally possible limits. The possibility of ratifying an international treaty that does not comply with the Constitution of the Republic is quite small, since the Basic Law defines a range of state bodies that are responsible for the validity and accuracy of international legal activities. But even after the ratification of an international treaty, a State may, upon detection of certain negative consequences of this treaty, denounce it or raise a question to the other party to the treaty about its adjustment.

The Basic Law of the Republic of Kazakhstan, in addition to being built on the principles and norms of modern international law, contains absolutely correct provisions on respect for generally recognized principles and norms of international law and the fulfillment of obligations assumed by the country.

Therefore, it seems that states, adhering to the peremptory norms of international law set out in a concentrated form in the UN Charter, seeking to coordinate their interests on other fundamental issues of the world order and international relations, will otherwise adhere to a policy of protecting their peculiarities, national specifics, the basis of which are centuries-old developed civilizational values enshrined in Constitutions.

In today's interconnected and interdependent world, the national legal system is as sovereign as the State itself is sovereign. As a rule, in the territory of any State, the norms created without the sanction of the national government, in addition to its legislative, executive and judicial bodies, cannot fully operate.

The practice of the country's Basic Law shows that the Constitution of Kazakhstan sufficiently ensures the implementation of international treaties in the Republic and guarantees the neutralization of negative influence on domestic life from the outside, having supremacy over the norms of all, including ratified international treaties to which our country is a party.

Conclusion. Thus, the constitutions of most countries of the world, as well as the Constitution of the Republic of Kazakhstan, are based on the norms of international law. Therefore, it would be unlawful to oppose or put the generally recognized principles and norms of international law, this kind of "universal constitution" above the national Constitution, which expressed the will of the people of the country when discussing its draft and then approving the Basic Law. Hence, it is quite understandable that sovereign states, in turn, explaining the impossibility of full or partial implementation of certain decisions of international organizations, refer to the existing national practice of a reliable level of human rights protection, to the centuries-old customs and traditions of the people, to their constitutions, etc.

Indeed, the Constitution is a pronounced social contract or pact between the people as the sole source of State power and the State as an apparatus of government, the provisions of which must be implemented in accordance with the principle of "Pacta sunt servanda". In addition, the international legal recognition of young sovereign

states in the form of a political and legal act of other states, as an official, often solemn, confirmation of the emergence of a new subject of international law with its own territory, population, government, means recognition of the country's constitution, on the basis of which national law is built.

It is obvious that when adopting various kinds of recommendations, suggestions, comments, experts of international bodies need to take more into account the national specifics of a particular country, and state bodies need to carefully analyze the norms of international legal acts adopted for execution and strive for their implementation. It is about combining the possibilities of international and national law, primarily in order to better protect human rights. Here it is necessary to find a balance, an optimal way to protect human rights while preserving national characteristics, including domestic law, which does not contradict the provisions of the UN Charter and the norms of generally recognized international legal documents, but on the contrary, finds new opportunities for their fuller implementation.

References

1. Vienna Convention on the Law of Treaties (Vienna, May 23, 1969) // Paragraph Information System (accessed November 5, 2023).

2. See, for example: Consideration of reports submitted by States parties in accordance with article 40 of the Covenant (International Covenant on Civil and Political Rights) // <http://egov.kz/cms/ru/law/list/O110000000519.08.2011>. (accessed October 25, 2023).

3. On July 14, 2015, the Constitutional Court of the Russian Federation announced a Ruling in the case on the applicability of the ECHR decisions in the territory of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/news/pages/ViewItem.aspx?ParamId=3244>.

4. The International Covenant on Civil and Political Rights was adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) on December 16, 1966. Entered into force on March 23, 1976 // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed October 15, 2023).

5. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (New York, December 19, 1966) // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (accessed October 15, 2018).

6. Universal Declaration of Human Rights. Adopted and proclaimed by General Assembly resolution 217 A (III) of December 10, 1948 // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (accessed October 15, 2018).

7. The Syracuse Principles for the Interpretation of Limitations and Derogations from the Provisions of the International Covenant on Civil and Political Rights (1985). UN Document E/CN.4/1985/4, Annex (1985) // <http://health-rights.org/index.php/cop/item/sirakuzskie-principy-tolkovaniya-ogranichenij-i->

otstuplenij-ot-polozhenij-mezhdunarodnogo-pakta-o-grazhdanskih-i-politicheskikh-pravah-1985 (Accessed September 20, 2023).

8. The Limburg Principles for the Implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (1986) // <http://hrlibrary.umn.edu/instreet/RLimburgguidelines.html> (accessed November 2, 2023).

9. Maastricht Guidelines on Violations of Economic, Social and Cultural Rights (1997) // <http://humanrts.umn.edu/instreet/RMaastrichtguidelines.html> (accessed November 2, 2023).

10. Consolidated Version of The Treaty on European Union // https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (accessed: October 1, 2023 g.).

11. On the official interpretation of paragraph 3 of Article 3, paragraph 1 of Article 6, Article 8 and subparagraph 5) of Article 66 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan. Resolution of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan dated April 12, 2001 No. 1/2 // *Kazakhstanskaya Pravda*. – June 16, 2001.

12. On the official interpretation of the norms of Article 4 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan in relation to the procedure for the execution of decisions of international organizations and their bodies. Regulatory Resolution of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan dated November 5, 2009 No. 6 // *Kazakhstanskaya pravda*. – December 03, 2009.

13. Additional Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan dated May 22, 2023 No. 17-NP. On the interpretation of paragraphs 2 and 4 of the operative part of the normative resolution of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan dated November 5, 2009 No. 6 "On the official interpretation of the norms of Article 4 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan in relation to the procedure for the execution of decisions of international organizations and their bodies" // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36721566&pos=17;16#pos=17;16.

DOI: <https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2024-8-1-33-50>

Противодействие транснациональной организованной преступности в контексте новых вызовов и угроз современным системам безопасности государств (на примере Республики Беларусь и России)

Владимир В. Меркушин

Кандидат юридических наук, доцент

Докторант факультета международных отношений

Белорусского государственного университета, Минск,

Республика Беларусь

e-mail: valdshin@mail.ru

ORCID: - ; JEL-code: K33 International Law

Аннотация: Среди основных угроз системам безопасности государств важное место занимает транснациональная организованная преступность. Особенно этому способствуют развитие противоправных возможностей современных информационно-коммуникационных технологий (киберпреступления, «Даркнет»), коррупционные преступления и преступления связанные с легализацией (отмыванием) преступных доходов, новые методы ведения вооруженных конфликтов в формате 2.0. - «прокси-война» & «бизнес-проект», и т.п. Современная практика применения «двойных» стандартов в межгосударственных отношениях, способствовала противоправному вынесению ограничительных мер (односторонних санкций) со стороны ряда западных стран и их союзников, в отношении стран, определяемых ими как «недемократические».

Усилия государств, претерпевающих санкции, и направленные на их минимизацию или противодействие, нередко трактуются недобросовестными субъектами (акторами), в качестве международных правонарушений (транснациональных преступлений). Действия указанных субъектов, среди которых основными являются государства-члены НАТО, противоречат действующим принципам и нормам международного права, в том числе, праву на развитие, поддерживаемому на уровне ООН.

Республика Беларусь, неоднократно и необоснованно подпадавшая под санкционные ограничения, специально отмечает их в качестве угроз национальной безопасности в проекте обновленной Концепции национальной безопасности.

Региональные механизмы безопасности, в первую очередь, СНГ, ОДКБ и ШОС, членом которых является (или собирается) стать Республика Беларусь, дисквалифицируют попытки других (западных) региональных организаций (НАТО, ЕС) навязать собственные критерии для определения действий иных государств (акторов) в качестве транснациональных преступлений. При этом они способны целенаправленно игнорировать или сознательно нарушать стандарты

и процедуры таких универсальных организаций как Интерпол, ФАТФ, ГРЕКО и др.

Ключевые слова: транснациональная организованная преступность; односторонние санкции; коллективная (региональная) безопасность; национальная безопасность; вызовы и угрозы; международное право; международное сотрудничество по специальным вопросам

Мемлекеттердің қазіргі заманғы қауіпсіздік жүйелеріне жаңа сын-қатерлер мен қауіптер контекстінде трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы іс-қимыл (Беларусь Республикасы мен Ресей мысалында)

Владимир В. Меркушин

Заң ғылымдарының кандидаты, доцент

Халықаралық қатынастар факультетінің докторанты

Беларусь мемлекеттік университеті, Минск,

Беларусь Республикасы

e-mail: valdshin@mail.ru

ORCID: - ; JEL-code: K33 International Law

Түйіндеме: Мемлекеттердің қауіпсіздік жүйелеріне төнетін негізгі қауіптердің ішінде трансұлттық ұйымдасқан қылмыс маңызды орын алады. Бұған қазіргі заманғы ақпараттық-коммуникациялық технологиялардың (киберқылмыстар, «Даркнет») құқыққа қайшы мүмкіндіктерін дамыту, сыбайлас жемқорлық қылмыстары және қылмыстық кірістерді заңдастыруға (жылыстатуға) байланысты қылмыстар, 2.0– «прокси-соғыс» & «бизнес-жоба» және т.б. форматында қарулы қақтығыстарды жүргізудің жаңа әдістері ықпал етеді. Мемлекетаралық қатынастарда «қосарланған» стандарттарды қолданудың қазіргі заманғы тәжірибесі бірқатар батыс елдері мен олардың одақтастарының «демократиялық емес» деп айқындайтын елдерге қатысты шектеу шараларын (біржақты санкциялар) заңсыз шығаруға ықпал етті.

Санкцияларға ұшыраған және оларды азайтуға немесе оларға қарсы тұруға бағытталған мемлекеттердің күш-жігерін жосықсыз субъектілер (акторлер), халықаралық құқық бұзушылықтар (трансұлттық қылмыстар) ретінде жиі түсіндіреді. НАТО-ға мүше мемлекеттер негізгілер болатын аталған субъектілердің іс-әрекеттері халықаралық құқықтың қолданыстағы қағидалары мен нормаларына, оның ішінде БҰҰ деңгейінде қолдау көрсетілетін даму құқығына қайшы келеді.

Бірнеше рет және негізсіз санкциялық шектеулерге ұшыраған Беларусь Республикасы ұлттық қауіпсіздіктің жаңартылған тұжырымдамасы жобасында оларды ұлттық қауіпсіздікке төнетін қатерлер ретінде арнайы атап өтеді.

Аймақтық қауіпсіздік тетіктері, ең алдымен, Беларусь Республикасы мүше болатын ТМД, ҰҚШҰ және ШЫҰ басқа (Батыс) аймақтық ұйымдардың (НАТО, ЕО) өзге мемлекеттердің (акторлердің) іс-әрекеттерін трансұлттық қылмыстар

ретінде айқындау үшін өз критерийлерін таңуы әрекеттерін дисквалификациялайды. Бұл ретте олар Интерпол, ФАТФ, ГРЕКО және т.б. сияқты әмбебап ұйымдардың стандарттары мен рәсімдерін мақсатты түрде елемей немесе саналы түрде бұзып отыр.

Негізгі сөздер: трансұлттық ұйымдасқан қылмыс, біржақты санкциялар, ұжымдық (аймақтық) қауіпсіздік, ұлттық қауіпсіздік, сын-қатерлер мен қауіптер, халықаралық құқық, арнайы мәселелер бойынша халықаралық ынтымақтастық.

Countering transnational organized crime in the context of new challenges and threats to modern State security systems (on the example of the Republic of Belarus and Russia)

Vladimir V. Merkushin

Dr.hab. Associate Professor

Belarusian State University, Faculty of International Relations,

Minsk, Belarus

e-mail: valdshin@mail.ru

ORCID: - ; JEL-code: K33 International Law

Abstract: Transnational organized crime occupies an important place among the main threats to the security systems of States. This is especially facilitated by the development of illegal capabilities of modern information and communication technologies (cybercrime, "Darknet"), corruption crimes and crimes related to the legalization (laundering) of criminal proceeds, new methods of conducting armed conflicts in the 2.0 format. - "proxy war" & "business project", etc. The modern practice of applying "double" standards in interstate relations has contributed to the illegal imposition of restrictive measures (unilateral sanctions) by a number of Western countries and their allies against countries they define as "undemocratic".

The efforts of States undergoing sanctions and aimed at minimizing or countering them are often interpreted by unscrupulous actors as international offenses (transnational crimes). The actions of these entities, among which the main ones are NATO member states, contradict the current principles and norms of international law, including the right to development, supported at the UN level.

The Republic of Belarus, which has repeatedly and unreasonably been subject to sanctions restrictions, specifically notes them as threats to national security in the draft updated National Security Concept.

Regional security mechanisms, primarily the CIS, the CSTO and the SCO, of which the Republic of Belarus is (or is about to become) a member, disqualify attempts by other (Western) regional organizations (NATO, the EU) to impose their own criteria for determining the actions of other states (actors) as transnational crimes. At the same time, they are able to purposefully ignore or deliberately violate the standards and procedures of such universal organizations as Interpol, FATF, GRECO, etc.

Key words: transnational organized crime, unilateral sanctions, collective (regional) security, national security, challenges and threats, international law, international cooperation on special issues

В действительности все иначе, чем на самом деле
Антуан де Сент-Экзюпери.

Введение. Современная транснациональная организованная преступность представляет собой международно-правовой феномен, выражающийся в совершении преступными организациями (группами), а также негосударственными субъектами – транснациональными корпорациями, неправительственными организациями, частными военными и охранными компаниями, - противоправных деяний, предусмотренных нормами международного и внутригосударственного права, на территории нескольких государств в целях получения прямо или косвенно финансовой, материальной или иной выгоды, и представляющих угрозу системам национальной и международной безопасности в различных сферах [1, с. 11; 2, с. 5; 3, с. 72-73].

В ряде случаев возможна причастность к сфере транснациональной организованной преступности легальных государственных субъектов (публичных должностных лиц). В первую очередь, это касается традиционных сфер преступной деятельности – коррупции, незаконного оборота наркотиков, оружия, торговли людьми, нелегальной миграции, легализации (отмывании) активов, полученных преступным путем, различных видов контрабанды и пр.

Однако, к настоящему времени, одной из новейших тенденций развития вызовов и угроз безопасности государств выступают попытки обвинения недобросовестными [государственными] субъектами действий некоторых стран, направленных на уклонение или минимизацию для собственных национальных интересов санкционных ограничений, налагаемых (наложенных) вопреки принципам и нормам международного права [4].

В первую очередь, это выражается в целенаправленном использовании методики двойных стандартов при толковании и применении соответствующих норм международного права [5]. Особенно, в части квалификации определенного рода деяний в качестве транснациональных преступлений, создания адаптированного содержания правового режима соответствующих санкций и выбора собственных критериев правоприменимости [6, С. 91-106].

Указанные и иные факторы значительно повлияли на принятие новой Концепции правовой политики Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. [7], определившей юридические основы консолидации усилий государства, общества и граждан по защите национальных интересов (п. 11), обусловили необходимость их учета при формировании концептуальных положений проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, одобренной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 1 марта 2023 г. (далее - проект Концепции национальной безопасности) [8].

Вместе с тем, сохраняющаяся актуальность угроз основных форм транснациональной организованной преступности [9] несколько «теряется» в числе вновь возникающих вызовов и угроз национальной безопасности государств, в том числе и Республики Беларусь. Полагаем, что необходимость более пристального изучения данной проблемы с точки зрения международно-правовой науки и релевантно теории национальной безопасности, выработки практико-ориентированных предложений и рекомендаций, формируют цель данного исследования.

Отметим, что отдельные, но существенные аспекты данной проблематики еще на предпостановочной стадии подвергались анализу в работах таких авторов как Е.Ф. Довгань (Беларусь) [10, с. 44-55], В.Ю. Арчаков и А.Л. Баньковский (Беларусь) [2, с. 5-10], Н.О. Мороз (Беларусь) [3, с. 72-83], А.С. Байкенжеев (Казахстан) [11, с. 47-52], К.Г. Геворгян (Россия) [12, с. 91-106], Б. Маншак (США) [1, с. 417-451], Э. Уилмсхёрст (Великобритания) [14], и др.

Обсуждение. Термин «транснациональная организованная преступность» вошел в практику международного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности государств и борьбы с транснациональной [организованной] преступностью после принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. и трех дополнительных протоколов к ней.

Впервые, согласно исследованиям некоторых российских ученых-юристов [15, с. 50-51], термин «транснациональный» в определении организованной преступности был предложен еще в 1971 г. американскими учеными-криминологами Дж. Нея и Р. Кеохейна [16, р. 329-349]. Далее взята за основу в ходе проведения Всемирной конференции ООН по организованной транснациональной преступности 1994 г., хотя наряду с ней, в качестве полного синонима, еще использовался термин «международная» [17]. В некоторых источниках, равнозначно применяется термин «трансграничная организованная преступность» [18].

В национальном законодательстве Республики Беларусь термин «транснациональная организованная преступность» используется в действующей Концепции национальной безопасности от 9 ноября 2010 г. №575 [4] (п.5) в части формулирования основных тенденций современного мира (далее – Концепция национальной безопасности). Не стал исключением и вышеуказанный проект обновленной Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Он сохранил указанный подход, но связал его с нарастающим перечнем угроз политического насилия и экстремизма, завершив их упоминанием транснациональной организованной преступности и ее традиционных форм (ч. 10 п. 5) [8].

При этом, в специализированном Законе Республики Беларусь о борьбе с организованной преступностью от 27 июня 2007 г. указанный термин не используется, ограничиваясь выделением одного из основных направлений международного сотрудничества, направленного на предупреждение, выявление и пресечение преступлений, носящих транснациональный характер (ст. 5) [19].

Это по нашему мнению неоправданно расширяет диапазон данного сотрудничества, относя к нему и любые общеуголовные преступления, даже совершенные в форме какого-либо соучастия, которые не представляют серьезной угрозы национальной (международной) безопасности и не подпадают по действию статей 2 и 5 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [20].

К настоящему времени, расширяющийся диапазон [меж]-регионального сотрудничества Республики Беларусь достаточно четко свидетельствует о необходимости пересмотра положений национального законодательства о противодействии внутригосударственной организованной преступности в сторону транснационального (трансграничного) аспекта данной проблемы. С одной стороны, об этом говорит динамика включения вопросов транснациональной [организованной] преступности в ряд международно-правовых документов некоторых региональных организаций, членом которых является либо собирается стать Республика Беларусь. Например, в ст. 8 Устава Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) 2012 г. закреплена важность координационного аспекта в объединении усилий, в том числе и в борьбе, с транснациональной организованной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств – членов [21]. В Самаркандской декларации Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) 2022 г. заявляется о необходимости развития сотрудничества, направленного на защиту прав человека и противодействие современным вызовам и угрозам транснациональной преступности [22].

С другой стороны, в условиях необоснованных санкционных ограничений (в том числе и в отношении Республики Беларусь), актуализируется еще один важный, комплементарный вопрос, реферируемый к современным проблемам международного права [например, 23; 24; 25] и пока еще релевантно относящийся к проблематике транснациональной организованной преступности – это корректность, а точнее сама постановка вопроса, о правовой квалификации в качестве транснациональных преступлений действий государств по неприятию (минимизации) санкционных ограничений, применяемых (применимых) вопреки международно-правовым стандартам.

Дело в том, что правом наложения санкций согласно ст. 41 Устава ООН обладает Совет Безопасности ООН. Однако в современных условиях практика их применения осуществляется отдельными государствами напрямую, что противоречит действующим принципам и нормам международного права, в том числе, по мнению некоторых западных экспертов [13, р. 417], праву на развитие, поддерживаемому на уровне ООН.

Здесь возникает вопрос о проблеме «двойных стандартов» в международных отношениях, повсеместно поддерживаемых странами-участницами НАТО и их союзниками. Так, достаточно емко о природе современных «двойных стандартов» (на примере терроризма) высказался

президент Сирии Б. Асад: «Запад лицемерно поступает в отношении терроризма. Они называют это «терроризм», когда террористы бьют по ним, и «революция», «свобода», «демократия» и «права человека», когда террористы бьют по нам» [26]. Слова Б. Асада подтверждает и тот факт, что единого универсального понятия терроризма к настоящему времени не выработано. Не смотря на 18 действующих специализированных международно-правовых документов (конвенций, соглашений) [27]. Аналогичная ситуация складывается применительно к коррупции (8 основных международно-правовых документов), также рассматриваемой как «транснациональное явление», связанное в том числе с организованной преступностью (Преамбула Конвенции ООН против коррупции 2003 г.) [28]. Причем именно коррупция есть нередко повод выдвижения обвинений западными странами против иных «недружественных» стран (например, России, Китая, Республики Беларусь и др.) в нарушении прав человека, антидемократичности, ограничении права на развитие и пр. При этом именно западные страны, сознательно скрывают истинные параметры коррупции в государствах-союзниках. Например, только в ЕС ущерб от коррупции недавно официально признался Еврокомиссией в размере не менее 120 млрд евро [29]. А в некоторых (дружественных ЕС) странах допускается умышленная подмена понятия «коррупция» на «лоббизм», что «легализует» ее в государственном секторе, но одновременно трансформируя в угрозы национальной безопасности (например, в США) [30].

Современные санкции, активно применяемые в одностороннем порядке (особенно по линии стран НАТО и их союзников), крайне слабо связаны (или в значительной степени не связаны [12, с. 92]) с правонарушениями с точки зрения международного права, основаны на неубедительной и/или существенно интерпретированной доказательственной базе и явно нарушаемыми процессуальными актами при вменении вины «субъектам-нарушителям». Пример, выдача практически мгновенно Генеральным секретариатом Интерпола уведомления с красным углом (RED NOTICE) в отношении колумбийского бизнесмена Алекса Сааба ранее задержанного 12 июня 2020 г. в Кабо-Верде с целью его экстрадиции в США в связи с предъявленным ему обвинением в «отмывании» денег [31].

Предвосхищая возможные высказывания о допустимости квалификации в одностороннем порядке действий другого государства в качестве «транснациональных преступлений» по избежанию (минимизации) применимых (применяемых) к нему санкций, выразим их изначальную юридическую несостоятельность с позиции международного права. Данное умозаключение подтверждается компетентным мнением отдельных профильных экспертов ООН (Е.Ф. Довгань (Беларусь)) [32], а также некоторых западных ученых-специалистов в области международного уголовного права (Ш. Бассиони (США)) [33, с. 50].

Здесь отметим, что приведенное высказывание основывается на юридическом принципе *nullum crimen sine lege [stricta]*, в соответствии с

которым закон должен четко определять, какие именно общественно опасные деяния могут быть признаны преступлениями и, соответственно, в тоже время и равным образом, базируясь на другом принципе *nulla poene sine lege*, ответственность за преступления и меры наказания за них должны быть также установлены в законе.

В этой связи, заслуживает внимание анализ деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) предпринятый российским ученым-экспертом, профессором Н.Г. Михайловым (бывшим руководителем следственной группы Следственного отдела в Канцелярии Прокурора Международного трибунала по бывшей Югославии). Выражая солидарность с указанными выше принципами, Н.Г. Михайлов справедливо отмечает, что судьи МТБЮ толкуя содержание ст. 3 (Нарушение законов или обычаев войны) трибунала чрезмерно расширительно, жертвуют принципом законности в пользу защиты прав человека и его достоинства. В качестве одного из доводов, российский ученый приводит высказывание американского профессора Ш. Бассиони о принципе законности, который, по мнению указанного автора, «исключает двусмысленность и неопределенность, требуя, чтобы преступления и наказания за них были четко и гласно определены в законе». Соглашаясь с благородной мотивацией цели судей МТБЮ, Н.Г. Михайлов, тем не менее, видит ее достижение «более приемлемыми правовыми средствами, т.е. путем внесения необходимых дополнений в Устав трибунала Советом Безопасности ООН, играющим в случае с МТБЮ роль законодательного органа» [34, с. 49].

Полагаем, что схожей мотивацией руководствуется в своей работе УНП ООН (Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности) по оказанию содействия и поддержки осуществлению Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности [35]. Данный подход получил название «комплексной стратегии» (п. 3 Доклада Секретариата на Конференции участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 12-16 октября 2020 г.) [5]. Нормотворческая роль Совета Безопасности ООН здесь была заложена изначально. Так, в июле 2019 г. Совет Безопасности принял резолюцию 2482 (2019), в которой рекомендовал «**всем государствам продолжать усилия по прекращению незаконной торговли природными ресурсами..., и привлекать замешанных в этой незаконной торговле к ответственности в рамках более широких усилий по обеспечению того, чтобы незаконная торговля... не приносила выгоды подпадающим под санкции организациям** (имеются ввиду легальные организации – прим. автора), **террористическим группам, вооруженным группам** (например, частным военным и охранным компаниям – прим. автора) **или преступным сетям»** (п.14) [9].

Отсюда, представляется не случайным и даже оправданным в полемике редактирования обновленной Концепции национальной безопасности

Республики Беларусь (п.29) указания на то, что одной из основных угроз национальной безопасности является применение отдельным государствами или группами государств санкций (ограничительных мер) в отношении Республики Беларусь (ее физических и юридических лиц – *прим. автора*). Особенно, когда этому способствует приведенная выше рекомендация Совета Безопасности ООН №2482 (2019), по сути уравнивающая легальные, но «подсанкционные» организации с *a priori* преступными (террористическими) формированиями. Если руководствоваться этой логикой, то государства их регистрации (гражданства) немедленно получают статус «поддерживающих терроризм».

Ситуация в данном случае еще усложняется давно ставшей фактом эксрегиональной направленности НАТО, опосредованной экстерриториальной юрисдикцией США, являющейся ее безусловным лидером. Продвигаемая ими парадигма интересов собственной национальной безопасности, целенаправленно разделяющая акторов международных отношений на «своей-чужой», способствует энтропии системы международного права методом субъективных оговорок, конъюнктурных толкований, безнаказанного нарушения важнейших международно-правовых принципов и норм и т.п.

Пример: прекращение работы совместной российско-американской Рабочей группы по борьбе с наркотиками на территории Афганистана из-за санкций со стороны США и их союзников по НАТО в отношении России ввиду событий на Украине начавшихся в 2014 г. и присоединением Крыма к России после референдума 16 марта 2014 г. Российская сторона заявила тогда, что США и НАТО несут ответственность за «катастрофический рост наркопроизводства в Афганистане и за отказ в его ликвидации» [36]. Принципиальная позиция России была вызвана высокой степенью опасности афганского наркотрафика для национальной безопасности, в отличие от США, для которой исключительно вопросы политического влияния в регионе и борьба с терроризмом остаются приоритетными, включая первостепенные наркоугрозы от стран Латинской Америки [37, с. 55].

Другим примером может послужить миграционный кризис, возникший весной 2021 г. на границе Республики Беларусь и Европейского союза. Нелегальные мигранты по большей части из Сирии и Ирака пытались попасть на территорию ЕС через территорию Республики Беларусь. Руководство Польши и стран Прибалтики обвинили власти Республики Беларусь, релевантно также и России, в организации каналов нелегальной миграции в страны ЕС, называя это «гибридной агрессией». Со стороны Республики Беларусь прозвучало встречное обвинение ЕС в развязывании «гибридной войны», в котором нелегальные миграционные потоки могли рассматриваться как закономерное следствие санкционной политики ЕС против Республики Беларусь [38]. Непричастность Республики Беларусь к созданию данной ситуации позже подтвердил Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш [39].

Итак, международные (односторонние) санкции зачастую используются для воздействия на «недружественных» субъектов, не связаны с вменяемыми

международными правонарушениями и выходят за рамки парадигмы международной безопасности (в частности, применение западными странами в отношении Российской Федерации только с 2014 г. более 12 тысяч санкций, что является беспрецедентным за всю их историю применения [40, с. 42]). В последнем случае, имеет особое значение объективная оценка «нормативности и нормальности поведения в целом с оглядкой на общественное мнение» [41, с. 65], а точнее - *opinion juris*, т.е. признание субъектами [международного права] правил поведения как нормы права или убеждение субъекта международного права в юридической состоятельности [действительности] нормы права.

Результаты. На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

Противодействие транснациональной организованной преступности и иным «связанным» угрозам (международный терроризм, вооруженный экстремизм, способствование развязыванию различного рода вооруженных конфликтов и пр.), является одним из важнейших направлений международно-правового регулирования в совершенствовании систем международной и национальной безопасности.

Не смотря на различного рода суждения о снижении роли международного права и несостоятельности его некоторых институтов и юридических инструментариев, отметим их крайне неаргументированный и дискуссионный характер, вызванный, главным образом, навязываемым однополярным политическим подтекстом международного сотрудничества, неоправданной абсолютизацией национальных интересов ведущих западных стран (особенно США) и необоснованного укрепления позиций корпоративного капитала, в том числе противоправными (преступными) способами и средствами.

После подписания большинством государств Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (в том числе и Республикой Беларусь), которая способствовала последовательному изучению новых угроз безопасности государств, выделив транснациональную организованную преступность из предмета изучения исключительно юридических наук уголовно-правового цикла и ретранслировав к сфере действия международного права.

Становится востребованным междисциплинарный подход в изучении проблем данного вида преступности, результативно применимый в деятельности национальных компетентных органов, а также в международной нормотворческой и правоприменительной практике. Особенно это касается вопросов постоянного исследования вновь возникающих форм транснациональной организованной преступности, ее межсекторальных связей с иными (новыми) вызовами и угрозами безопасности государств, выработке эффективного юридического инструментария, в первую очередь, в области права международной безопасности, международного гуманитарного права, а также в развитии международного сотрудничества по специальным вопросам.

Особую актуальность проблемы транснациональной организованной преступности приобретают в условиях неправомерного применения односторонних санкций в отношении государств с т.н. «недемократическими» режимами, характеризуемых в таком качестве США и их аффилированными союзниками. Данный подход снижает эффективность международно-правового сотрудничества на универсальном уровне, ограничивая его региональными (субрегиональными) возможностями.

Республика Беларусь, как суверенное государство, неуклонно соблюдает взятые на себя международные обязательства, особенно в сфере безопасности и противодействия транснациональной преступности. Необоснованные обвинения со стороны западных стран руководства Республики Беларусь, дискредитируют авторитет международного права, подрывают потенциал созданных в соответствии с его принципами и нормами международных межправительственных организаций (в первую очередь, ООН), нивелируют развитие международно-правового сотрудничества по решению действительно актуальных проблем человечества.

Список литературы

1. Довгань Е.Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности: моногр. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – 262 с.
2. Арчаков В.Ю., Баньковский А.Л., Зенченко Е.В. Даркнет в контексте рисков национальной безопасности // *Право.by*. – 2021. – №6(74). – С. 5-10.
3. Мороз Н.О. Применение принципа должной осмотрительности в отношении актов, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в период международного вооруженного конфликта // *Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве: материалы круглого стола каф.гос. упр. юрид. фак. Белорус.гос. ун-та, Минск, 12 апр. 2022 г.* / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), Е. Ф. Довгань, Н. О. Мороз. – Минск : БГУ, 2022. – С.72-83.
4. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электрон. ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // *КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.*
5. Конференция участников Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Десятая сессия Вена, 12–16 октября 2020 года. Пункт 2 (b) предварительной повестки дня. Обзор хода осуществления Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней: Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее [Электрон. ресурс] – URL:

https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/COP/SESSION_10/Website/CTOC_COP_2020_2/CTOC_COP_2020_2_R.pdf (дата обращения: 26.09.2023).

6. Värk R. Legal Element of Russia's Hybrid Warfare // ENDC Occasional Papers. – 2017. – Vol. 6. - P. 45-51 [Electronic resource] – Available at: https://scholar.google.com.ni/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=MRLGPjMAAAAJ&citation_for_view=MRLGPjMAAAAJ:RGFaLdJalmkC.pdf (Accessed: 08.08.2023).

7. О Концепции правовой политики Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. №196. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2023/196uk.pdf> - (дата обращения: 22.01.2024).

8. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь [Электрон. ресурс] – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001> (дата обращения: 22.01.2024).

9. Резолюция Совета Безопасности ООН от 19 июля 2019 г. №2482 (2019) [Электрон. ресурс] – URL: <https://cbr.ru/Content/Document/File/108013/2482.pdf> (дата обращения: 18.01.2024).

10. Довгань Е.Ф. Международные обязательства частей территории государства, вытекающие из императивных норм международного права // Евразийский журнал международного права (ЕАЖМП), 2022, №1. С. 40-55.

11. Байкенжеев А.С. Организованная преступность как угроза национальной безопасности Республики Казахстан / А.С. Байкенжеев // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 1(43). - 2016. - С. 47-52.

12. Геворгян К.Г. «Односторонние санкции» и международное право // Международная жизнь. – 2012. – №8. – С. 91-106.

13. Manchak В. Comprehensive Economic Sanctions, the Right to Development, and Constitutionally Impermissible Violations of International Law / В. Manchak // Boston College Third World Law Journal. – 2010. – 30(2). P. 417-451.

14. Wilmshurst E. Strengthen the International Criminal Court // Chatham House. 12 June 2019 [Electronic resource] – Available at: <https://www.chathamhouse.org/2019/06/strengthen-international-criminal-court> (Accessed: 06.08.2023).

15. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность: моногр. / под общ.ред. В.А. Номоконова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 375 с.

16. Joseph S. Nye, Jr. and Robert O. Keohane. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. International Organizations. - Vol. 25, №3, Transnational Relations and World Politics (Summer, 1971). The MIT Press. – pp. 329-349.

17. Всемирная конференция на уровне министров по организованной преступности. – Неаполь, 21–23 ноября 1994 г. – E/CONF. 88/1/29 November 1994.
18. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электрон. ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 21.01.2024).
19. О борьбе с организованной преступностью: Закон Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. №244-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17.12.2013, 2/2082.
20. О ратификации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь, 3 мая 2003 г., № 195-З // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 55. 2/943.
21. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 26 апреля 2012 г. [Электрон. ресурс] – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded (дата обращения: 22.01.2024).
22. Самаркандская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 16 сентября 2022 г. [Электрон. ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5841> (дата обращения: 22.01.2024).
23. Бекяшев Д.К. Современные правовые формы участия государств в деятельности международных организаций // *Lexrussica*. – 2023. – Т. 76. – № 5. – С. 85–100.
24. Bowring B. *The Degradation of the International Legal Order? The Rehabilitation of Law and the Possibility of Politics*. Abington: Routledge-Cavendish, 2008. – 243 p.
25. Brunnée J. Challenging International Law: What’s New? // *OpinioJuris*. 13.11.2018. URL: <https://opiniojuris.org/2018/11/13/challenging-international-law-whats-new/>. – Date of access: 15.08.2023.
26. Цитата из выступления Башара Асада в июле 2015 г. [Электрон. ресурс] – URL: <https://twitter.com/MilitaryMaps> (дата обращения: 03.01.2024).
27. Национальный антитеррористический комитет [Электрон. ресурс] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty@page=1.html> (дата обращения: 04.01.2024).
28. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. // A/RES/58/4.
29. Corruption across ‘breathtaking’ – EU Commission [Electronic resource] – Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-26014387> (Accessed: 04.01.2024).
30. Public corruption. The FBI's top criminal investigative priority poses a fundamental threat to our national security and way of life [Electronic resource] –

Available at: <https://www.fbi.gov/investigate/public-corruption> (Accessed: 05.01.2024).

31. Businessman close to Maduro arrested; Venezuela slams 'arbitrary detention' by Reuters Staff [Electronic resource] – Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.048cd151-651c98ae-48572bcf-74722d776562/https://www.reuters.com/article/us-venezuela-corruption-idUSKBN23K00T? (Accessed: 02.10.2023).

32. Mandate of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights Ref.: OL OTH 75/2023. 9 June 2023 [Electronic resource] – Available at: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=28164> (Accessed: 30.06.2023).

33. Бассиони Ш. Международно-правовые юрисдикции в борьбе с организованной преступностью // Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества: Междунар. научно-исслед. проект. – М.: БЕК, 1994. – 296 с.

34. Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности: Монография. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 267 с.

35. О ратификации Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказания за нее, дополняющих Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь, 3 мая 2003 г., № 197-3 // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 55. – 2/945.

36. США прекратили сотрудничество с ФСКН из-за действий России в Крыму: бороться с наркотиками страны будут отдельно [Электрон. ресурс] – URL: <https://www.newsru.com/russia/27mar2014/fskn.html> (дата обращения: 26.01.2024).

37. Сайед Ахмад Зия. Взаимодействие России и НАТО с борьбе с наркоугрозой в Афганистане // Постсоветские исследования. Т. 1. №1(2018). С. 47-57.

38. Лукашенко назвал виновных в миграционном кризисе [Электрон. ресурс] – URL: <https://www.belta.by/president/view/eti-merzavtsy-ih-prosto-ubili-lukashenko-nazval-vinovnyh-v-migratsionnom-krizise-468746-2021/> (дата обращения: 10.11.2021).

39. Генсек ООН подтвердил, что Беларусь не является ни источником, ни причиной потоков беженцев [Электрон. ресурс] – URL: <https://www.belta.by/politics/view/gensek-oon-podtverdil-что-belarus-ne-javljaetsja-ni-istochnikom-ni-prichinoj-potokov-bezhentsev-470363-2021/> (дата обращения: 04.02.2024).

40. Интервью Председателя Партии, руководителя фракции «Справедливая Россия – За Правду» Сергея Миронова журналу «Национальная оборона» // Национальная оборона, №12 (201), декабрь 2022. С. 42-49.

41. Мирошниченко Д.В. Социокультурные основания уголовно-правовой парадигмы // *Lex russica.* – 2023. – Т. 76. – № 7. – С. 60-75. –DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.060-075.

References

1. Dovgan' E.F. *Mezhdunarodnye organizacii i podderzhanie mezhdunarodnogo mira i bezopasnosti: monogr.* – Minsk: Mezhdunar. un-t «MITSO», 2016. – 262 s.

2. Archakov V.Yu., Ban'kovskij A.L., Zenchenko E.V. Darknet v kontekste riskov nacional'noj bezopasnosti // *Pravo.by.* – 2021. – №6(74). – S. 5-10.

3. Moroz N.O. *Primenenie principa dolzhnoj osmotritel'nosti v otnoshenii aktov, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij, v period mezhdunarodnogo vooruzhennogo konflikta // Informacionnaya bezopasnost' lichnosti i gosudarstva v sovremennom mezhdunarodnom prave: materialy kruglogo stola kaf.gos. upr. jurid. fak. Belarus.gos. un-ta, Minsk, 12 apr. 2022 g. / Belarus. gos. un-t ; redkol.: V. S. Mihajlovskij (gl. red.), E. F. Dovgan', N. O. Moroz. – Minsk : BGU, 2022. – S.72-83.*

4. *Ob utverzhdenii Konceptii nacional'noj bezopasnosti Respubliki Belarus' [Elektron. resurs]: Ukaz Prezidenta Resp. Belarus', 9 noyab. 2010 g., № 575 // Konsul'tantPlyus. Belarus' / OOO «YurSpektr», Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'. – Minsk, 2022.*

5. *Konferenciya uchastnikov Konvencii Organizacii Ob"edinennyh Nacij protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti. Desyataya sessiya Vena, 12–16 oktyabrya 2020 goda. Punkt 2 (b) predvaritel'noj povestki dnya. Obzor hoda osushchestvleniya Konvencii Organizacii Ob"edinennyh Nacij protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti i protokolov k nej: Protokol o preduprezhdenii i presechenii trgovli lyud'mi, osobenno zhenshchinami i det'mi, i nakazanii za nee [Elektron. resurs] – URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/COP/SESSION_10/Website/CTOC_COP_2020_2/CTOC_COP_2020_2_R.pdf (data obrashcheniya: 26.09.2023).*

6. Värk R. *Legal Element of Russia's Hybrid Warfare // ENDC Occasional Papers. – 2017. – Vol. 6. - P. 45-51 [Electronic resource] – Available at: https://scholar.google.com/nl/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=MRLGPjMAAAAJ&citation_for_view=MRLGPjMAAAAJ:RGFaLdJalmkC.pdf (Accessed: 08.08.2023).*

7. *O Konceptii pravovoj politiki Respubliki Belarus': Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus' ot 28 iyunya 2023 g. №196. [Elektron. resurs]. – URL: <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2023/196uk.pdf> - (data obrashcheniya: 22.01.2024).*

8. *O rassmotrenii proekta novoj Konceptii nacional'noj bezopasnosti Respubliki Belarus': Postanovlenie Soveta Bezopasnosti Respubliki Belarus' [Elektron.*

resurs] – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001> (data obrashcheniya: 22.01.2024).

9. Rezolyuciya Soveta Bezopasnosti OON ot 19 iyulya 2019 g. №2482 (2019) [Elektron. resurs] – URL: <https://cbr.ru/Content/Document/File/108013/2482.pdf> (data obrashcheniya: 18.01.2024).

10. Dovgan' E.F. Mezhdunarodnye obyazatel'stva chastej territorii gosudarstva, vytekayushchie iz imperativnyh norm mezhdunarodnogo prava // Evrazijskij zhurnal mezhdunarodnogo prava (EAZhMP), 2022, №1. S. 40-55.

11. Bajkenzheev A.S. Organizovannaya prestupnost' kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Respubliki Kazahstan / A.S. Bajkenzheev // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. - 1(43). - 2016. - S. 47-52.

12. Gevorgyan K.G. «Odnostoronnie sankcii» i mezhdunarodnoe pravo // Mezhdunarodnaya zhizn'. – 2012. – №8. – S. 91-106.

13. Manchak B. Comprehensive Economic Sanctions, the Right to Development, and Constitutionally Impermissible Violations of International Law / B. Manchak // Boston College Third World Law Journal. – 2010. – 30(2). P. 417-451.

14. Wilmshurst E. Strengthen the International Criminal Court // Chatham House. 12 June 2019 [Electronic resource] – Available at: <https://www.chathamhouse.org/2019/06/strengthen-international-criminal-court> (Accessed: 06.08.2023).

15. Transnacional'naya organizovannaya prestupnost': definicii i real'nost': monogr. / pod obshch.red. V.A. Nomokonova. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2001. – 375 s.

16. Joseph S. Nye, Jr. and Robert O. Keohane. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. International Organizations. - Vol. 25, №3, Transnational Relations and World Politics (Summer, 1971). The MIT Press. – pp. 329-349.

17. Vsemirnaya konferenciya na urovne ministrov po organizovannoj prestupnosti. – Neapol', 21–23 noyabrya 1994 g. – E/CONF. 88/1/29 November 1994.

18. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 g. №400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Elektron. resurs] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).

19. O bor'be s organizovannoj prestupnost'yu: Zakon Respubliki Belarus' ot 27 iyunya 2007 g. №244-Z // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus', 17.12.2013, 2/2082.

20. O ratifikacii Konvencii OON protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti: Zakon Resp. Belarus', 3 maya 2003 g., № 195-Z // Nacional'nyj reestr pravovyh aktov Resp. Belarus'. – 2003. – № 55. 2/943.

21. Ustav Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti ot 26 aprelya 2012 g. [Elektron. resurs] – URL: <https://odkb->

csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded (data obrashcheniya: 22.01.2024).

22. Samarkandskaya deklaraciya Soveta glav gosudarstv-chlenov Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva ot 16 sentyabrya 2022 g. [Elektron. resurs] – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5841> (data obrashcheniya: 22.01.2024).

23. Bekyashev D.K. Sovremennye pravovye formy uchastiya gosudarstv v deyatelnosti mezhdunarodnyh organizacij // *Lexrussica*. – 2023. – T. 76. – № 5. – S. 85–100.

24. Bowring B. *The Degradation of the International Legal Order? The Rehabilitation of Law and the Possibility of Politics*. Abington: Routledge-Cavendish, 2008. – 243 r.

25. Brunnée J. Challenging International Law: What's New? // *OpinioJuris*. 13.11.2018. URL: <https://opiniojuris.org/2018/11/13/challenging-international-law-whats-new/>. – Date of access: 15.08.2023.

26. Citata iz vystupleniya Bashara Asada v iyule 2015 g. [Elektron. resurs] – URL: <https://twitter.com/MilitaryMaps> (data obrashcheniya: 03.01.2024).

27. Nacional'nyj antiterroristicheskij komitet [Elektron. resurs] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty@page=1.html> (data obrashcheniya: 04.01.2024).

28. Konvenciya OON protiv korrupcii ot 31 oktyabrya 2003 g. // A/RES/58/4.

29. Corruption across 'breathtaking' – EU Commission [Electronic resource] – Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-26014387> (Accessed: 04.01.2024).

30. Public corruption. The FBI's top criminal investigative priority poses a fundamental threat to our national security and way of life [Electronic resource] – Available at: <https://www.fbi.gov/investigate/public-corruption> (Accessed: 05.01.2024).

31. Businessman close to Maduro arrested; Venezuela slams 'arbitrary detention' by Reuters Staff [Electronic resource] – Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.048cd151-651c98ae-48572bcf-74722d776562/https/www.reuters.com/article/us-venezuela-corruption-idUSKBN23K0OT? (Accessed: 02.10.2023).

32. Mandate of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights Ref.: OL OTH 75/2023. 9 June 2023 [Electronic resource] – Available at: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=28164> (Accessed: 30.06.2023).

33. Bassioni Sh. *Mezhdunarodno-pravovye yurisdikcii v bor'be s organizovannoj prestupnost'yu* // *Ugolovnaya yusticiya: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: Mezhdunar. nauchno-issled. proekt*. – M.: BEK, 1994. – 296 s.

34. Mihajlov N.G. *Mezhdunarodnyj ugolovnyj tribunal po byvshej Jugoslavii: kompetenciya, istochniki prava, osnovnye principy deyatelnosti: Monografiya*. – M.: Izdatel'skij dom Shumilovoj I.I., 2006. – 267 s.

35. O ratifikacii Protokola o preduprezhdenii i presechenii trgovli lyud'mi, osobenno zhenshchinami i det'mi, i nakazaniya za nee, dopolnyayushchih Konvenciyu OON protiv transnacional'noj organizovannoy prestupnosti: Zakon Resp. Belarus', 3 maya 2003 g., № 197-Z // Nacional'nyj reestr pravovyh aktov Resp. Belarus'. – 2003. – № 55. – 2/945.

36. SShA prekratili sotrudnichestvo s FSKN iz-za dejstvij Rossii v Krymu: borot'sya s narkotikami strany budut otdel'no [Elektron. resurs] – URL: <https://www.newsru.com/russia/27mar2014/fskn.html> (data obrashcheniya: 26.01.2024).

37. Sajed Ahmad Ziya. Vzaimodejstvie Rossii i NATO s bor'be s narkougrozoy v Afganistane // Postsovetskie issledovaniya. T. 1. №1(2018). S. 47-57.

38. Lukashenko nazval vinovnyh v migracionnom krizise [Elektron. resurs] – URL: <https://www.belta.by/president/view/eti-merzavtsy-ih-prosto-ubili-lukashenko-nazval-vinovnyh-v-migratsionnom-krizise-468746-2021/> (data obrashcheniya: 10.11.2021).

39. Gensek OON podtverdil, chto Belarus' ne yavlyaetsya ni istochnikom, ni prichinoy potokov bezhencev [Elektron. resurs] – URL: <https://www.belta.by/politics/view/gensek-oon-podtverdil-chto-belarus-ne-javljaetsja-ni-istochnikom-ni-prichinoy-potokov-bezhentsev-470363-2021/> (data obrashcheniya: 04.02.2024).

40. Interv'yu Predsedatelya Partii, rukovoditelya frakcii «Spravedlivaya Rossiya – Za Pravdu» Sergeya Mironova zhurnalu «Nacional'naya oborona» // Nacional'naya oborona, №12 (201), dekabr' 2022. S. 42-49.

41. Miroshnichenko D.V. Sociokul'turnye osnovaniya ugovovno-pravovoj paradigmy // Lex russica. – 2023. – T. 76. – № 7. – S. 60-75. –DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.060-075.

DOI: <https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2024-8-1-51-58>

Subjects of intellectual property rights, created by artificial intelligence

Roza D. Akshalova

Doctor of Philosophy PhD, senior lecturer

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

e-mail: rozaakshalova@mail.ru; ORCID: [0000-0002-2618-9572](https://orcid.org/0000-0002-2618-9572)

Iqbol Muhammad

LLM student

Academy of Public Administration under the President of Republic of Tajikistan,
Dushanbe, Tajikistan

e-mail: ikbol_muhammad@mail.ru; ORCID: [0009-0007-8677-7337](https://orcid.org/0009-0007-8677-7337)

Abstract. The emergence of artificial intelligence (AI) has raised complex questions regarding the attribution of authorship and ownership of AI-generated content within the framework of intellectual property rights. This article explores the challenges, implications, and potential solutions related to the subject of intellectual property rights created by artificial intelligence. It delves into the legal, policy, and ethical considerations surrounding AI-generated works, addressing issues such as authorship determination, copyright eligibility, and the development of specialized legal frameworks.

In order to traverse this issue's complexity and create innovative solutions that are in line with the rapidly changing technological world, the abstract also highlights the importance of multidisciplinary cooperation and inclusive discourse. In the end, the abstract emphasizes how critical it is to promote a sophisticated comprehension of authorship, ownership, and protection in the context of artificial intelligence in order to preserve the values of justice, responsibility, and innovation in intellectual property rights.

Key words: Artificial Intelligence; authorship; ownership; Intellectual property rights; AI-generated content; copyright; Legal frameworks; policy implications; ethical considerations; Interdisciplinary collaboration.

Жасанды интеллект арқылы жасалған зияткерлік меншікке зияткерлік құқықтардың субъектілері

Роза Д. Акшалова

PhD философия докторы, аға оқытушы

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан,
Қазақстан

e-mail: rozaakshalova@mail.ru; ORCID: [0000-0002-2618-9572](https://orcid.org/0000-0002-2618-9572)

Иқбол Мұхаммад

Магистрант

Тәжікстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, Душанбе, Тәжікстан

e-mail: ikbol_muhammad@mail.ru ; ORCID: [0009-0007-8677-7337](https://orcid.org/0009-0007-8677-7337)

Түйіндеме. Жасанды интеллекттің (ЖИ) пайда болуы зияткерлік меншік құқығы аясында AI-генерацияланған мазмұнға авторлық және меншік құқығын беруге қатысты күрделі сұрақтарды туындатты. Бұл мақала жасанды интеллект арқылы жасалған зияткерлік меншік құқығы тақырыбына қатысты қиындықтарды, салдарды және ықтимал шешімдерді зерттейді. Ол авторлықты анықтау, авторлық құқықтың жарамдылығы және мамандандырылған заң негіздерін дамыту сияқты мәселелерді қарастырып, ЖИ арқылы жасалған жұмыстарға қатысты құқықтық, саяси және этикалық ойларды зерттейді.

Бұл мәселенің күрделілігін еңсеру және тез өзгеретін технологиялық әлемге сәйкес инновациялық шешімдерді жасау үшін реферат сонымен қатар көп салалы ынтымақтастық пен инклюзивті дискурстың маңыздылығын көрсетеді. Соңында, реферат зияткерлік меншік құқықтарындағы әділеттілік, жауапкершілік және инновация құндылықтарын сақтау үшін жасанды интеллект контекстінде авторлық, иелік және қорғауды терең түсінуге ықпал ету қаншалықты маңызды екенін атап көрсетеді.

Негізгі сөздер: Жасанды интеллект; авторлық; меншік; Зияткерлік меншік құқықтары; AI жасалған мазмұн; авторлық құқық; Құқықтық базалар; саясаттың салдары; этикалық көзқарастар; Пәнаралық ынтымақтастық.

Субъекты интеллектуальных прав на интеллектуальную собственность, созданную искусственным интеллектом

Роза Д. Акшалова

доктор философии PhD, старший преподаватель

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

e-mail: rozaakshalova@mail.ru; ORCID: [0000-0002-2618-9572](https://orcid.org/0000-0002-2618-9572)

Иқбол Мухаммад

Магистрант

Академия государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан

электронная почта: ikbol_muhammad@mail.ru ; ОРЦИД: [0009-0007-8677-7337](https://orcid.org/0009-0007-8677-7337)

Аннотация. Появление искусственного интеллекта подняло сложные вопросы, касающиеся установления авторства и владения контентом, созданным искусственным интеллектом, в рамках прав интеллектуальной собственности. В

этой статье исследуются проблемы, последствия и потенциальные решения, связанные с правами интеллектуальной собственности, созданными искусственным интеллектом. В нем рассматриваются правовые, политические и этические аспекты, связанные с произведениями, созданными искусственным интеллектом, и рассматриваются такие вопросы, как определение авторства, право на авторские права и разработка специализированных правовых рамок.

Чтобы преодолеть сложность этой проблемы и создать инновационные решения, соответствующие быстро меняющемуся технологическому миру, в аннотации также подчеркивается важность междисциплинарного сотрудничества и инклюзивного дискурса. В конце концов, в аннотации подчеркивается, насколько важно способствовать более глубокому пониманию авторства, собственности и защиты в контексте искусственного интеллекта, чтобы сохранить ценности справедливости, ответственности и инноваций в правах интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект; авторство; владение; Права интеллектуальной собственности; контент, созданный искусственным интеллектом; Авторские права; Правовые рамки; политические последствия; этические соображения; Междисциплинарное сотрудничество.

Introduction. The development of artificial intelligence (AI) and intellectual property are particularly important in the digital age because they affect not only the destiny of individual states but also that of the global community as a whole. The legal perspective on the importance of intellectual property to national economies is only growing annually. Furthermore, as AI continues to advance as a universal technology with numerous applications in business and society, it poses a number of fundamental issues that have an impact on the foundations of the IP systems that are now in place. The topic's relevance stems from the fact that, every year, more and more areas of public life become digitalized, algorithmization broadens our understanding of human potential, and an increasing number of innovations are made in the field of property, where the effects of the digital revolution most directly impact a diverse range of people involved.

Artificial intelligence as a scientific direction within which problems of hardware or software modeling of those types of human activity that are traditionally considered intellectual are posed and solved. AI technologies are beginning to penetrate creative and innovative activities, which until recently were considered the exclusive domain of humans. The current intellectual property (IP) system was designed to stimulate human creativity and innovation. As AI operates more autonomously, this raises fundamental questions for the IP system across all IP rights. Artificial intelligence is also increasingly being used for patent administration in patent offices to assist examiners in registered application searches, translations, classifications and prequalifications.

Professor V.V. Blazheev states that "A global process of digitalization and social and economic relations characterize modern society." This is a technical revolution

rather than a social one; therefore, it stands to reason that the information society's developments and the degree to which contemporary legislation can effectively govern them will have a significant impact on the future.

Materials and methods. While writing the article, international documents in the field of legal personality of artificial intelligence, scientific research of Kazakhstani, Russian and foreign scientists on the topic of research are used.

The methodological basis of the study involves a combination of general scientific (dialectical, historical, inductive, deductive, analytical, synthetic) and private scientific methods (formal legal, comparative legal, interpretative, statistical, procedural and dynamic).

Discussion. Artificial intelligence is, in fact, a broad field with many applications in the technological sciences, computer science, cybernetics, mathematics, biology, medicine, etc. The legal side of artificial intelligence, which is shockingly the least researched now, is particularly crucial for all fields.

We may consider the 2018 London auction house Christie's sale of the painting "Portrait of Edmond Belamy," which is a part of the Parisian art group Obvious's resonant art series featuring portraits of the fictitious Bellamy family, as an example of a noteworthy art transaction. This painting is unique because it was made by using a machine algorithm, whose working principle is to analyze a certain number of artistic works in the same style and produce a unique interpretation of its own; in other words, it promotes the independence and self-improvement of the machines themselves.

The aforementioned example provides justification for the belief that the introduction and advancement of technologies in the fields of culture and art has the potential to alter not only people's perceptions of the works in progress but also the rules and concepts surrounding art in general, thereby influencing the direction of the art form going forward.

Artificial intelligence refers to information processing technology such as models and algorithms that enable learning and cognitive task performance for the creation of intellectual property. This invention simultaneously raises several legal questions. First, is the author a programmer who created the algorithm and contributed to the construct some creations, or the second, can an "intelligent machine," also known as "artificial intelligence (AI)," be acknowledged as the author with all the consequences that follow (legally speaking)?

As such, issues pertaining to ownership of a piece of art, author liability, material issues with its usage, inheritance, the right to a name, and similar ones come up.

Russia just made a significant move in this regard. According to the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019, No. 490, which approved the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period until 2030, AI is precisely defined as "a set of technological solutions that allows you to imitate human cognitive functions (including self-learning and searching for solutions without a predetermined algorithm) and obtain results when performing specific tasks that are at least comparable to the results of human intellectual activity."

Additionally, the European Union believes that the draft Artificial Intelligence Act, which was released by the European Parliament in April 2021, will guarantee the ethical, safe, and ecologically responsible use of AI in Europe by defining guidelines and defining the actions of AI model developers. The unified regulatory framework that the EU is working to create for its member states is solely focused on regulating AI.

Drawing from the perspectives put forth, we can conclude that artificial intelligence is a unique computer algorithm that, given tasks or previously acquired knowledge, can both improve its operations and create something entirely new, unlike anything that has ever been done before. In other words, AI functions much like a human - a thought. Regarding intellectual property rights, namely the copyright of human and artificial intelligence on intellectual property developed by artificial intelligence, this is the most urgent problem.

Artificial intelligence - infused art can significantly influence the evolution and advancement of copyright legislation. The topic of who created artificial intelligence was moot prior to this, as these programs were only instruments in the creative process and were not protected by intellectual property laws. Computer programs are now an entity that can make judgments throughout the creative process without human interaction, rather than only a tool, thanks to the quick and ongoing development of artificial intelligence.

Researchers are thinking of many approaches to address the issue of the absence of legal control over relationships forming in conjunction with the production of potentially protected intellectual property objects by computer systems.

From a legal perspective, there are several alternatives for incorporating all the continuing advancements. Among the stances is the rejection of the idea that "intelligent machines" are autonomous entities capable of obtaining copyright via the production of any kind of art.

The following methods are recognized by P.M. Morhat as ways to ascertain artificial intelligence's standing under intellectual property law:

- The machine-centric approach views artificial intelligence as a fully fledged creator of the objects it produces;
- The anthropocentric approach views AI as a tool used by humans to generate the products of intellectual endeavor.
- The idea of hybrid authorship, in which artificial intelligence collaborates with humans to create objects,
- Artificial intelligence as a hired labor force that produces items acknowledged as official works (the notion of official work);
- The concept of "disappacing" (zero) authorship.

As such, there are a number of approaches to resolving the question of who wrote works produced by AI:

1. The first and simplest course of action is to leave everything as it is and as it is customary, not to make any changes to the legislation. For instance, the citizen who developed a work is its author, as per Article 1257 of the Russian Federation's Civil

Code. Due to the fact, that this standard demonstrates that only individuals are capable of engaging in creative endeavors, copyright is not applied to any other works that are not human-created in Russia. A work's author and creator may only be just a person, as stated in §7 of the German Copyright Law.

2. Giving the AI's creator exclusive rights to such creations is the second option. We questioned respondents from a variety of professions in a sociological study about this subject: "In your opinion, who owns the rights to intellectual property created by AI?" "To the one who created this AI - the developer," was how the majority of them responded. It turns out that, rather sensibly, a person owns the neural network's copyright and is entitled to the output of the network's activities. On the other hand, if this solution alternative is thoroughly examined, then challenges can later emerge as a result of the existence of rights fragmentation. This implies that various AI works may be owned by various copyright holders, and that ownership of the works will be contingent upon when they were created.

3. In actuality, the third approach is giving artificial intelligence legal personhood and giving it the sole rights to the quasi-works it produces, without affecting the exclusive rights to AI themselves. This idea is similar to the well-known institution of legal entities, i.e., AI should be compared to legal entities in order to create intellectual property. Without a person, a legal entity cannot act freely and cannot be considered independent. A legal entity gains legal identity and the potential to hold exclusive rights to literary, artistic, and scientific creations once it is registered in the Unified State Register of Legal Entities.

The creators of Microsoft, Bill Gates and Paul Allen, do not, however, have exclusive rights to the Windows operating system. Instead, Microsoft Corporation has exclusive rights to Apple's trademark, which is a bitten apple and does not belong to Steve Jobs directly.

The aforementioned issues won't occur if AI is granted the sole right to produce the works that it creates, greatly aiding in the hunt for the copyright proprietor of the invention.

Results and conclusion. Legal issues, technological issues, ethical issues, and creative issues all come together when it comes to artificial intelligence and intellectual property rights. Developing logical legal frameworks and policy guidelines that take into consideration the distinctive qualities of AI-generated works is essential as AI continues to change the landscape of innovation and content production. It is possible for society to fully utilize AI while maintaining the values of justice, responsibility, and innovation in the field of intellectual property rights by promoting a sophisticated understanding of authorship, ownership, and protection in the context of AI.

The aforementioned leads us to the conclusion that this matter warrants serious thought and investigation because it impacts not only philosophical, moral, and ethical elements but also legal. In the near future, an environment without clear regulations might harm the art industry's profitability and devalue various types of human creativity; thus, further research and development into the best answer to this issue is required. It is anticipated that artificial intelligence will soon become autonomous

enough to produce copyrighted goods without the need for human assistance (see, for instance, "Bots invented their own language: why was Facebook afraid of artificial intelligence?"). It appears that the best way to handle this issue is to create a unique legal framework that considers every aspect of the phenomena in question; this calls for the adoption of a unique legal act in the form of a law.

References

1. Iskakova Zh.T., Kashkin S.Yu. Modern copyright and problems of development of artificial intelligence // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). - 2020;(2). – Pp. 43-52. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.66.2.043-052>.
2. Simon Chesterman, Artificial intelligence and the limits of legal personality // International and Comparative Law Quarterly, 2020, Vol.: 69(4), pp. 819-844
3. Legal Personality for Artificial Intelligence: The Role of Ethics and Governance by N. Sharma (2021).
4. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation", Moscow, Kremlin October 10, 2019, N 490.
5. Legal Personality for Artificial Intelligence Entities: Challenges and Solutions by A. Kumar (2021).
6. Legal Personality for Artificial Intelligence Entities: The Role of Regulation and Governance by S. Singh (2021).
7. Universal Declaration of Human Rights / Adopted by Resolution № 217 A (III) of the UN General Assembly of December 10, 1948 // <[https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_217\(III\).pdf](https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_217(III).pdf)>.
8. Kogan K. E. "On the issue of the legal regime of virtual objects of intellectual property law" // Current problems of private law regulation: materials of the VI International Scientific Conference of Young Scientists (Samara, April 28–29, 2006). – Samara: Univers Group, 2006. – pp. 307–309.
9. "Artificial Intelligence Act" // released by the European Parliament in April 2021.
10. Legal regulation of the use of artificial intelligence in the Russian Federation, 2019 // Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation URL: <https://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/22/1/2/ai>.
11. Abramovich A.P. Artificial intelligence in Russian: legal regulation // Bulletin of the Russian Academy of Sciences.-2020.-№5.
12. Copyright Act of 9 September 1965 (Federal Law Gazette I, p. 1273), as last amended by Article 25 of the Act of 23 June 2021 // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_urhg/englisch_urhg.html
13. Kondratev A. V., Kapustina M. A., Artificial intelligence in the Russian Federation: legal regulation and liability issues // Bulletin NSU.-2019.-Vol. 17.-№ 4.

14. "Artificial Intelligence and the Concept of Legal Personality: A Comparative Analysis" by M. Das (2020)

15. Gadzhiev G. A., Voinikanis E. A. "Can a robot be a subject of law (search for legal norms to regulate the digital economy)?" // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. – 2018. – No. 4. – pp. 24–48.

16. 1994 Russian Federation's Civil Code // URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ru/ru083en.pdf>

17. Lisachenko A.V. Law of virtual worlds: new objects of civil rights // *Russian Legal Journal*. – 2014. – No. 2 (95). – pp. 104–110.

18. Morhat M. "Legal personality of artificial intelligence units: civil legal research: Monograph." - Moscow: UNITY-DANA, 2018.

DOI: <https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2024-8-1-59-74>

The use of force by law enforcement officials in France

Jade Delmire Voituret

Postgraduate student

People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russia

Email: 1042225211@pfur.ru

JEL code K380

Abstract. This article provides a comprehensive review of the international standards governing the use of force by law enforcement officials in their duty of maintaining public order. Recognizing the imperious duty of States to ensure rights and freedoms within their territory, the balance between this duty and the necessity to ensuring respect for the law must be analysed. In France, the will to maintain security and public order seems to be a higher priority than the respect of the rights and freedoms of the persons living within its territory. This article tackles in particular the national regulations and their compliance with international standards, the use of weapons by French law enforcement officials, the policing of unlawful assemblies and the racial discriminations faced by the population.

Key words: Human rights law; law enforcement officials; use of force; right of peaceful assembly; right to life; physical integrity; less-lethal weapons; deontology; public order.

Франциядағы құқық қорғау органдары қызметкерлерінің күш қолдануы

Вотюре Жаде Дельмир

Аспирант

Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университеті
Мәскеу, Ресей Федерациясы

Email: 1042225211@pfur.ru

Jel коды K380

Түйіндеме. Бұл мақалада құқық қорғау органдары қызметкерлерінің қоғамдық тәртіпті сақтау жөніндегі міндеттерін орындау кезінде күш қолдануын реттейтін халықаралық стандарттарға жан-жақты шолу берілген. Мемлекеттердің өз аумағында құқықтар мен бостандықтарды қамтамасыз етудің шұғыл міндетін мойындай отырып, осы міндет пен заңды құрметтеуді қамтамасыз ету қажеттілігі арасындағы тепе-теңдікті талдау қажет. Францияда қауіпсіздік пен қоғамдық тәртіпті сақтауға деген ұмтылыс оның аумағында тұратын адамдардың құқықтары мен бостандықтарын құрметтеуден гөрі басым болып көрінеді. Бұл мақалада, Атап айтқанда, ұлттық нормативтік актілер және

олардың халықаралық стандарттарға сәйкестігі, Францияның құқық қорғау органдары қызметкерлерінің қаруды қолдануы, заңсыз жиналыстар кезінде құқықтық тәртіпті сақтау және халық алдында тұрған нәсілдік кемсітушілік қарастырылады.

Негізгі сөздер: Адам құқықтары құқығы; Құқық қорғау органдарының қызметкерлері; күш қолдану; бейбіт жиналыстар құқығы; өмір сүру құқығы; физикалық қол сұғылмаушылық; аз өлімге әкелетін қару; деонтология; қоғамдық тәртіп.

Применение силы сотрудниками правоохранительных органов во Франции

Вотюрэ Жадэ Делмир

Аспирантка

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

Москва, Российская Федерация

Email: 1042225211@pfur.ru

JEL-код K380

Аннотация. В этой статье представлен всесторонний обзор международных стандартов, регулирующих применение силы сотрудниками правоохранительных органов при выполнении ими своих обязанностей по поддержанию общественного порядка. Признавая настоящую обязанность государств обеспечивать права и свободы на своей территории, необходимо проанализировать баланс между этой обязанностью и необходимостью обеспечения уважения закона. Во Франции стремление поддерживать безопасность и общественный порядок, по-видимому, является более приоритетным, чем уважение прав и свобод лиц, проживающих на ее территории. В этой статье, в частности, рассматриваются национальные нормативные акты и их соответствие международным стандартам, применение оружия сотрудниками правоохранительных органов Франции, охрана правопорядка при проведении незаконных собраний и расовая дискриминация, с которой сталкивается население.

Ключевые слова: право прав человека; сотрудники правоохранительных органов; применение силы; право на мирные собрания; право на жизнь; физическая неприкосновенность; менее смертоносное оружие; деонтология; общественный порядок.

Introduction. The use of force by representatives of the state is a recurrent problem in our societies, where the line between maintaining order and harming people is extremely thin. Indeed, the very function of the state is to ensure this balance between its duty to protect individual freedoms as well as the integrity of the people living within its territory while maintaining order and public safety. The abusive and

disproportionate use of force by law enforcement officials is a recurrent issue in France, that lead to others issues such as the lack of confidence between the population and the police. This issue has been regularly addressed by national and international human rights experts, particularly in the context of policing peaceful protests (see, ie. Amnesty International, report 2022-2023 on France), or in other situations such as the dismantling of migrant camps in France (see, ie. Human Rights Watch, 2017, “Like living in hell”: police abuses against child and adult migrants in Calais), or at the occasion of everyday missions of law enforcement officials. Indeed, the population needs to trust the representant of the State in the accomplishment of its duty of protection of liberties and rights. Law enforcement officials should have this role and image of protection, and not an image of repressive persons that may infringe physical integrity of the people. That’s why, in order to preserve the rule of law, the State must impose rules and regulation to itself and to its representant.

In this article, international standards on the use of force by law enforcement authorities and the compliance to them by the French State will be studied.

Materials and methods

To conduct the study, it is necessary to start by a comprehensive understanding of the international legal framework of the use of force by States’ officials, followed by national legislations and politics orientation in this matter to assess the compliance of France to those rules and standards. Reports and recommendations of international and national organisations will be relied on, as well as national and regional Courts’ decisions.

Discussion. Universal standards on the use of force by law enforcement officials

At the universal level, the combined lecture of the Code of Conduct for Law Enforcement officials (1979), the Basics principles on the use of force and firearms by law enforcement officials (1990) and the human right committee (HRC) general comments n°36 (right to life) and n°37 (right of peaceful assembly) allows to draw the following standards:

First, states must adopt rules and regulation on the use of force and firearms by law enforcement officials with respect to ethics, especially the protection of human dignity. Indeed, the later shall act by keeping in mind that their duty is in the first place to ensure and protect the people living within the territory of the State and their rights and liberty. In this regard, the use of force must be avoided as far as possible according to the principle of precaution, they should carry out their duty without resorting to force, inflict, instigate, or tolerate any act of torture or other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, in any circumstances. Thus, the use of force falls into the principle of necessity.

In situations where the use of force is unavoidable, the later must be strictly necessary and proportionate to the situation faced by the officials, with the obligation to protect human life. The principle of proportionality here applies to the legitimate response to the seriousness of the offense and the objective to be achieved. On this matter, a particular attention should be drawn on the regulation of the use of firearms and less-lethal weapons. States shall work on the development of a range of weapons

and ammunition as broad as possible to equip their officials in order to differentiate the use firearms and other weapons in appropriate situations. This must be done with the aim of decreasing the use of weapons of any kind, and the reduction of the need to use means capable of causing death and injury to the persons. The use of weapons of any kind must be strictly controlled and the deployment of non-lethal incapacitating weapons should be carefully evaluated in order to minimize the risk of endangering the persons. In addition, national legislation on the use of firearms by law enforcement official must include guidelines that specify the circumstances under which they are authorized to carry firearms, prescribe the type of arms and ammunition permitted and in which appropriate circumstances they can be used, with the prohibition of weapons and ammunition likely to cause unwarranted injury or present unwarranted risk. The principle of precaution provides for the states on the need to equip law enforcement officials with self-defensive equipment such as shields, helmets, bullet proof vests and bullet-proof means of transportation, in order to decrease the need to use weapons of any kind. Furthermore, no firearms shall be used by the law enforcement officials against persons except in case of self-defence or defence of others against imminent threat of death or serious injury, in preventing the perpetration of particular serious crime involving threat to life or in preventing the escape of a person presenting such danger and resisting their authority to prevent his or her escape. In all those cases, the use of firearms is an extreme measure that must be used only when other means are insufficient to achieve the objectives. The state's officials must identify themselves as such and clearly express their intention to use firearms unless it would place them or other persons at risk of death or serious injury or it would be clearly inappropriate or pointless due to the circumstances of the situation. The use of less-lethal weapons deserves a special attention. Less lethal weapons are police batons, hand-held chemical irritants, chemical irritants launched at a distance (tear gas), conducted electrical weapons ("taser"), kinetic impact projectiles, dazzling weapons, water cannon, acoustic weapons and equipment. The importance to tackle their use lies in the fact that they can inflict serious injury or death, in some case the use of those weapons is potentially unlawful. The Office of the High Commissioner for Human Rights (HCHR) published a guidance on less-lethal weapons and their use and risks that they can represent as well as circumstances in which their use can be unlawful. For instance, the use of chemical irritant launched at distance and of kinetic impact projectile can be unlawful when they are fired in the head or in the face of an individual, especially at a short distance, owing to the high risk of death or serious injury. In any case, less-lethal weapons shall be developed with serious testing, selection and evaluation of the risks they may represents.

Secondly, the qualification of law enforcement officials shall be ensured by the states from the selection of those officials by a proper screening procedure, the providing of a thorough professional training which shall be continuous and subjected to periodic review. This training must draw a special attention on issues of police ethics and human rights. The formation must tackle alternatives to the use of force and firearms, including the peaceful settlement of conflicts, the understanding of crowd

behaviour, methods of persuasion, negotiation and mediation and technical means, in the view of limiting the use of force and firearms. A specific training must be undergone by any official who is put in possession of any kind of weapon. In order to ensure the precaution principle of avoiding the use of force of any kind and excessive compartments of law enforcement officials stress counselling shall be provided to those that are involved in situation where use of force and firearms may be used.

Thirdly, alleged violations of the rules on the use of force by law enforcement officials must be subjected to effective and independent investigations. This consists in the establishment of effecting reporting and review procedures conducted by independent administrative or prosecutorial authorities which must be in position to exercise jurisdiction in appropriate circumstances. Moreover, detailed report must be sent promptly to the competent authorities responsible for administrative and judicial control, as soon as an incident involving the use of force by a public official occurs. The general duty of state to investigate entails the state to ensure independent, impartial, prompt, thorough, credible and transparent investigation when the use of force by its official lead to the allegation of violation of a right such as death or injury. The prosecution should explore the responsibility of superior officials and clarify the truth relating to the events leading to the incident. Perpetrators of unlawful use of force must be held accountable and the state shall provide appropriate remedies to the victim. It should be noted that such incident must lead the state to review its regulation on the use of force, as well as the operational procedures and the training of law enforcement officers.

The fundamental principle of non-discrimination is of an utmost importance in the action of law enforcement officials. Indeed, the UN HCHR published a report in 2021 in which he noted that a large number of incidents of deaths at the hands of law enforcement officials concerns Africans and people of African descent, and that the great majority of these “incidents” took place in Europe, Latin America and North America. This is part of a more systemic racism, marked by structural inequalities and the marginalisation and exclusion of certain populations. In particular, the report mentions recurrent situations in which the victims of the police force did not represent an imminent threat of death or serious injury that would have justified the use of such a high level of force against them. In order to combat this profound discrimination and to put an end to the impunity observed for human rights violations by police forces, the High Commissioner has drawn up a list of recommendations and a 4 points agenda toward transformative change for Racial Justice and Equality. Among them, the absolute need for states to provide for clear and effective legal framework on the use of force by law enforcement officials with respect for human rights and for the international principles on the use of force and firearms of legality, precaution, necessity, proportionality, accountability, and non-discrimination. The report also recommends the publication by states of data concerning the law enforcement officials’ actions leading to death or serious injury and the related prosecution and conviction, the publication of data on racial profiling and on ethnic origins of the victims.

The universal standards on the use of force by law enforcement officials address some specific situations, where the possibility of excessive use of force or arbitrary deprivation of life is more at risk. On this point, A particular attention should be drawn on the crowd control and the right of peaceful assembly, which is a fundamental right embodied in core universal human rights documents. As the situation where assemblies don't fall within the scope of the right of peaceful assembly are narrow (HRC general comment on the right of peaceful assembly, 2020), the use of force in the context of policing unlawful assembly should occurs rarely. The first duty of law enforcement officials regarding peaceful assemblies is to prevent it from any unwarranted interference and to facilitate their progress, to protect journalists, monitors and observers, medical personnel, and other members of the public. Any use of force must comply with the fundamental principles above mentioned and shall restrict to the minimum extent necessary. Law enforcement officials must seek to de-escalate situations that might result in violence and must use non-violent means to do so. When the use of violence is unavoidable, a prior warning is necessary and must be followed by a time for the crowd to disperse. Moreover, the use of firearms is prohibited unless it is strictly necessary and only in the cases above mentioned. In view of the threat for life caused by rubber coated bullet and other attenuating energy projectiles, they should be subject to the same prohibition as firearms. The law enforcement officials must be specifically trained on the control of crowd and must be appropriately equipped with protective equipment and less-lethal weapons. Less-lethal weapons with wide area used to disperse, such as tear gas and waters cannons shall be used in last resort following a verbal warning.

At the regional level, the jurisprudence of the European Court of Human Rights (ECHR) only will be tackled, as this study address the compliance of France to the international standards on the matter. The framework of the use of force by law enforcement officials has been mostly build from the articles 2 (right to life) and 3 (prohibition of torture and other inhuman or degrading treatment or punishment) of the Convention. In several cases, the Court condemned States for violation of those articles linked to an abusive or excessive use of force, both on the material aspect of the right (ECHR, 2018, Semache v. France) and the procedural aspect (ECHR, 2019, Chebab v. France). The rule of law implies that when a right is violated by the state or its representant, in the present case law enforcement officials, no impunity is allowed and states shall provide a legal framework for the work of its police forces with ethics and adherence to professional standards, as well as effective report and investigation procedures in case of breach of the law by law enforcement officials. To be effective, complaints investigations must meet the principles of independence, adequacy, promptness, public scrutiny and victim involvement (Commissioner for human rights of the ECHR, 2009).

The case of France

The mission of guaranteeing and maintaining public order is the primary historical mission of the State in the French tradition. Over time and as the modern state has evolved, this policing mission has been seen as having to be permanently linked to

questions of individual freedom and rights. This spirit can be found in the founding documents of the French republic, The Declaration of the rights of man and the citizen (1789). The article 12 provides the aim of the public forces, which is that “the guarantee of human rights requires a public force, but one instituted for the benefit of all”. Thus, the public order should be understood as “the shelter for freedom and rights” (Cahn, 2019), and the State must preserve it in order to ensure the enjoyment of those later. Moreover, the rule of law impose to the State and its agents to not inflict suffering and to not violate fundamental rights such as the right to life and to physical integrity of the persons.

National regulation on the use of force:

The main source of law governing the use of public force is the French internal security code (CSI), which sets out the organisation, missions, duties and operations of the various branch of police and gendarmerie. This code states the principles of necessity and proportionality regarding the use of force (article R.432-18 CSI). Concerning the use of weapons, especially firearms, the law meets the international standards, in particular the obligation to be identifiable as a law enforcement official; the principle of absolute necessity and strict proportionality; and the circumstances when firearms can be used are limited and clearly described (article L435-1 CSI).

Nevertheless, the excessive and unlawful use of violence by law enforcement officials in France remains a topical issue that requires a response from the government. Two recent cases that received important media coverage must be cited to illustrate the kind of incident where a strong presumption of an unlawful use of force by law enforcement officials exists. Both of the cases are still in investigation and few official information are public, that’s why precaution must be used when addressing them. The first case concerns the deprivation of life of a 17 years old minor by a police officer in the context of a roadside check that fired the young man from the car window, this “incident” was filmed and the video shows unequivocally that the use of a firearm by the law enforcement official didn’t comply either with French law or with international law as he wasn’t in an exceptional situation that would have allow him to use its firearm. The officer that shot claimed that it was self-defence, but the investigations finds that it was not (Liberation, 2023). The second case deals with serious injuries sustained by a young man after being shot with a kinetic impact projectile and blows. This “incident” took place on the fringes of violent gatherings in reaction to the murder of the 17-year-old by a police officer few weeks before. Although the law enforcement officials involved in the incident claimed that used necessary and proportionate force, video-surveillance images revealed by an independent media show that the officers involved were hardly identifiable as such, and above all that they did not appear to be in a situation of imminent danger with regard to the victim or any other person, making the use of violence using less lethal weapons and subsequent physical and verbal violence unwarranted and avoidable. Their behaviour therefore appears to have been manifestly disproportionate. Moreover, the videosurveillance shows that the law enforcement official that fired with the kinetic impact projectile (LBD) from the back and in the head of the victim, causing to him very serious injury (Mediapart, 2023)

Those situations, which are far from being isolated cases, show a lack of compliance of law enforcement officials to the law and to their deontology principle. This issue is regularly tackled, at the international level (the issue has been raised for instance during the 3rd UPR of France, 2023) as well as at the national level, where the government has been questioned numerous times and to which recommendations are done (see, i.e. Commission Nationale Consultative des Droits de l'Homme [CNCDH], 2021 and 2023).

If efforts are made by the French government in order to comply with the multiple recommendations, such as the lengthening of the formation for police officers (CNCDH, 2023), they remain insufficient and they are accompanied by measures to strengthen police powers. For instance, the common rules above mentioned concerning the use of weapons by public security forces have been established by a law of 2017 concerning public safety. At the occasion of its UPR, the national report of the French delegation claimed that this law allowed to clarify the rules on the matter, by incorporating the principles set out by the ECHR and national courts, including the principles of absolute necessity and strict proportionality. Paradoxically, this law is part of a series of legislations that always strengthen the powers of police forces which, combined with the too often unconditional support affirmed by politicians in the public sphere, tends to strengthen the feeling of impunity when committing unlawful acts (CNCDH, 2021). This political focus on security linked with public order put before the ideal of freedoms and rights is in the heart of the law itself (Cahn, 2019).

This government support is also reflected in the regulation of the use of weapons by law enforcement officials. The sociologist Sébastien Roché conducted a works on the matter, that shows that France is one of the European countries to provide the most weapons to its agents, especially less-lethal weapons (Roché, 2020).

Control of the law enforcement official actions and investigations in case of unlawful use of force:

The control of the action and respect for deontology of law enforcement officials is conduct by two inspection bodies that correspond to the two branches of law enforcement officials: the police, which is under the scope of the ministry of internal affairs and the gendarmerie, which is under the scope of the ministry of army. Those two inspection bodies are the IGPN (Inspection Générale de la Police Nationale) and the IGGN (Inspection Générale de la Gendarmerie Nationale). The control of the action can be done randomly or can follow up on a report. The law states that any failure by a law enforcement official to comply with the rules and principles defined by the it will expose him/her to disciplinary action in accordance with the rules specific to his/her status, independently of any criminal sanctions that may be incurred (articles R434-25 to R434-27 CSI). The second authority of control of law enforcement official's actions is the one of the French defendeur of rights (Défenseur des droits). Its special status is enshrined in Article 71 of the French Constitution as an independent authority in charge of monitoring the respect of rights and liberty by state's institutions. Concerning the law enforcement officials, the defendeur of rights can be seized by any person that is victim or a witness of a law enforcement official's breach of ethics or unlawful use of

force, or can seize itself. If the ombudsman finds that a breach has occurred, he or she will refer the matter to the relevant inspection body for disciplinary sanctions.

Awareness is raised on the effectiveness of those inspection bodies, especially on the necessity for the State to provide more guarantee of independence (see, i.e. communication of the Council of Human Rights to the Universal periodic review [UPR] committee, 2023). Indeed, the ECHR stated that the IGPN and IGGN didn't comply with the appearance of independence and impartiality required by it (ECHR, *Chebab v. France*, 2019). On this point, the IGPN has been opened to external personality, which is a first but tiny step toward more independence (CNCDDH, 2023).

Concerning the judicial proceedings, victims of violation of their rights caused by a potential unlawful or excessive use of force by the police, have to lodge a complaint within the police or gendarmerie, which will be forwarded to the public prosecutor who, if he considers that there is reason to believe that a violation of rights has indeed taken place and that the use of force was illegal, unnecessary, or disproportionate, will take legal action which will lead to an investigation. enforcement officer on the judicial scene and can lead to criminal sanction and remedy to the victim. It should be parallel to the internal disciplinary procedure. In case of refusal from the police officer to accept the complaint, which is illegal but not impossible, any person can seize directly the prosecutor. The limit of this last type of control is that victim can be scared or ashamed to lodge complaint against a law enforcement official to his peers. The responsibility of the author convicted of unlawful use of force can be engaged, but also the state itself can be held responsible on the grounds of gross negligence on the part of the State (*Tribunal Judiciaire de Paris*, 2020).

However, another critic can be made regarding the slowness issue of this proceedings. Indeed, international human rights bodies have called France to conclude the investigation proceedings in the case of the death of Adama Traore and to ensure that those responsible for it will be prosecuted and sanctioned in an appropriate way (UN Committee on the Elimination of Racial Discriminations [CERD], 14 December 2022 and UN HCR, November 2021). In April 2023, a case has been filed before the ECHR where the claimant holds the State liable for a violation of article 3 of the ECHR following the permanent loss of his left eye caused by a hand grenade blast. The IGPN concluded an investigation and sent the perpetrator before a criminal court to be tried on charges of deliberate violence resulting in permanent disability, and that the shot was unjustified as the company was not besieged or surrounded. However, the judge ruled that the person who fired the shot was not criminally responsible, considering that it was an act of self-defence. The public prosecutor refused to appeal this decision. The claimant thus complains of a procedural infringement of Article 3, the general duty of the State obliging it to conduct an effective and official investigation, leading to the identification and punishment of those responsible

At the occasion of its 3rd UPR, France stated that measures were established to provide effective remedy to victims of potential unlawful use of force by the police, by recalling the above-mentioned remedies and possibility of becoming a civil party in the case, which implies calling on the advice of a lawyer. Declares that an officer suspected

of using excessive force may be subject to an administrative and judicial investigation, which is not systematic except in the case of a shot that has caused injury or death. Declares that in 2020, 1,708 sanctions will be imposed on police officers, including 120 for lack of exemplarity, 52 for lack of probity and 62 for excessive use of force or coercion, and 15 sanctions will be imposed on gendarmes for unlawful violence. However, in 10 years, disciplinary sanctions for excessive or unlawful use of force have been almost divided by three (Halissat and Leboucq, 2021). France then refers to the procedure for expatriation during legal proceedings against a law enforcement official suspected of breaching professional deontology, which consists of changing the competent jurisdiction when the officer has a habitual relationship with magistrates in order to guarantee the principle of impartiality. However, this practice is not systematic and must sometimes be requested by the victims themselves (France's response to the UN HRC, 2022).

On 11 October 2023, the supreme court of France ruled that the French State had also failed to monitor compliance by public officials with the rules of professional conduct to which they are subject (Conseil d'Etat, 2023). Indeed, law enforcement officials have the obligation to be identifiable by wearing an individual identification number, even when the law authorises them to carry out an operation in civilian clothing. According to the court, the disobedience to this obligation by law enforcement officials constitutes a widespread failure within the police rank. The court also emphasized the failure of the State to ensure that its employees comply with this obligation, since it only states that this obligation was regularly reminded without taking other measures to ensure the respect of the wearing of this identification number to the agents. The supreme court ordered the state to take all necessary measures to ensure compliance with this obligation and to modify the characteristics of the individual identification number so that it is sufficiently legible in all operational contexts. In the same idea of protecting victims of abuses from the law enforcement officials by allowing them to identify the author of violations of their rights, the State must take all necessary measure to encourage law enforcement officials to systematically use their pedestrian camera in situation where violence could arise to allow administrative and judiciary bodies to understand the circumstances of incidents.

The issue of racial profiling:

Racial profiling is a reality in France that is not confined to isolated cases (French supreme courts, Cour de Cassation, 2016 and Conseil d'Etat, 2023). The State doesn't establish data to characterise the number of identity checks carried randomly, or data on the people subject to these checks such as their sex, age, ethnic origin, etc. Nor is there any data on the incidents giving rise to the use of force, or on the number of allegations of violations of individual rights following the use of force by law enforcement officers, or on the number of these allegations that have given rise to administrative and judicial investigations, or on the outcome of these investigations. The national supreme court of France acknowledged the existence of a central loophole in the French system due to the lack of legal traceability of these controls. Indeed, in a survey published in 2017, the French Ombudsman pointed out that 94% of identity

checks didn't lead to a judicial proceeding, which means that there is no control of their legality possible in the majority of the cases. Moreover, the survey shows that there are 7 times as many checks among 18-25 year olds and 5 times as many among young black and Arab men, with behaviour that is prohibited by the code of ethics of law enforcement officials, such as being on a first-name basis, insults and bullying. This lack of compliance with the deontology has been since, observed numerous times (see, i.e. Human Rights Watch, 2020).

Although identity check have a legal framework (article 78-2 of the Code of Criminal Procedure) and that discriminations of any kind in police practices are strictly prohibited by the law (article R434-16 CSI), recommendations has been made for a complete overhaul of identity check procedures, with a more precise legal framework and improved traceability (CNCDDH, 2021 and *Defenseur des droits*, 2020). The occurrence of discriminatory identity check founded only on physical characteristics, outside of the legal framework, have been the object of numerous sociological studies. Jérémie Gauthier explains it, in part, by the fact that physical description of individuals, in the police procedures, address their "type" as "European" "African" "arab". This type of description doesn't comply with the reality of the origin of the persons and most important, the racial profiling is seen as a working tool by police officers (Gauthier, 2015).

At the international level, the UN CERD expressed a great concern about the "disproportionate" high number of identity checks and arrests carried out against certain populations in France. These include people of African and Arab origin, Roma, travellers and aliens. As well as the high number of cases of excessive use of force and ill-treatment by the police against these same groups of people is preoccupying (UN CERD, 2022). The UN HCHR's 2022 report on Racial Justice and Equality for African descent expressed concerns about the independence of mechanisms for monitoring the actions of law enforcement officials and called France to account on a number of points in the case of Adama Traoré, a 24-year-old man who died following a police apprehension, including the failure to charge racial discrimination. Similar issues were also raised during the 3rd cycle of France's UPR. With regard to France's responses to international bodies, its position on discriminatory identity checks and systemic discrimination is clear. It does not legally recognise the concept of "person of African descent", or other minority, and therefore does not compile any statistics. France believes that the fight against this discrimination is part of the fight against all forms of discrimination, and more specifically as part of the national plan to combat racism, anti-Semitism and discrimination based on origin (2023-2026). The French government thus expresses its intention not to take additional specific measures to fight against the problems of discrimination linked to ethnic origin, real or supposed, in the context of the law enforcement official's actions, and, particularly, through the practice of racial profiling. It points out that French law prohibits such discrimination and provides for remedies in the event of a police officer's breach of ethics. In its response to the CERD declaration following the killing of the 17 years old man above

mentioned, the French government refutes any accusation of racism or systemic discrimination by the police in France. (CERD, 2023 and France Diplomacy, 2023).

The use of force by law enforcement officials in the context of undeclared or unauthorized assemblies:

The cases of incidents involving disproportionate use of force by law enforcement officials during protest in France have increased since 2018 and the repressive reactions linked to the yellow jackets movement, and in the context of other protests such as, for instance, those related to the reform on retirement regime. Numerous cases of serious injuries or even deaths (see, i.e. Amnesty international, 2022) as occurred in this context and as the result of the use of force by law enforcement official, in charge of the policing of those assemblies have been reported.

Especially, the systematic repression of demonstrations, the abusive and disproportionate use of force by the law enforcement officials and the softening of the legislation on the use of lethal weapons by the police (CNCDDH, 2021 and Roché, 2020) in this context has been tackled. In particular, it refers to the new policing plan adopted in 2021, which states that although there have been positive developments in terms of keeping certain units at a distance from assemblies and the favouring a de-escalation approach, the level of violence observed during demonstrations remains as high as ever, units with no specific policing training are involved and the use of particularly dangerous weapons that are not appropriate for policing has not ceased. In addition, this plan still does not recognise the role of independent observers, despite a supreme Court decision of 2021 (CNCDDH, 2023).

The policing plan is a general document whose purpose is to define the framework for policing, applicable to all events taking place on national territory, setting out a common doctrine for all law enforcement officials. The guidelines include a reminder of the code of conduct applicable to law enforcement officials, special attention to journalists and their protection during protests, the need to be identifiable as law enforcement officer and the modernisation of verbal summonses. Nevertheless, the plan confirms the value of using intermediate force resources and less-lethal weapons to maintain law and order, in particular the use of the GM2L grenade (which does not contain explosives), the replacement of sting-ball grenades by a more recent model, and the use of LBDs (which are kinetic impact projectiles) with the introduction of a supervisor alongside the shooters except in cases of legitimate self-defence. Moreover, as it has been above explained, the use of weapons in the control of crowd in France stays at an high range (CNCDDH, 2023). Another aspect of the crowd control policy worries human rights defenders, which is the fact that they are often operated by police brigades which are not formed to this purpose (CNCDDH, 2021, Cahn, 2019).

It should be noted that French law makes a distinction between declared demonstrations and so called “atroupements”, which are defined as any gathering of people on the public highway likely to disturb public order. The later may be dispelled by the law enforcement officials after two unsuccessful summonses (article L211-9 CSI). Declared assemblies can be banned for reasons of risk of disturbing public order. This was the case, for example, in several French departments recently when peaceful

assemblies in support of the rights of the Palestinian people and calling on the government to take action to demand a ceasefire in Gaza were held. In such cases, it is up to the administrative judge to assess whether or not the ban is proportionate. National and international bodies for the protection of human rights have expressed concerns about the quasi-systematic ban of protests, which would infringe the freedom of peaceful assembly (see, i.e. Conseil d'Etat, 2023). In this regard, we must remind that the UN HRC in its general comment on the right of peaceful assembly includes in the scope of the article 21 of the ICCPR spontaneous assemblies as long as there is no violence and that a collective disobedience by non-fulfil legal requirements for assemblies should not allow the state to interfere with the right of peaceful assembly and, a fortiori, to do it by using force.

During the 3rd cycle of France's Universal Periodic Review, the State reiterated that the use of force in the context of policing of assemblies was guided by the principles of strict necessity and proportionality, and that measures were taken to ensure that the use of force was monitored and that administrative and judicial investigations were carried out in the event of incidents involving the use of force and resulting in injury or death to the persons. The report refers in particular to the code of ethics distributed to the law enforcement officers, the regular reminder of the obligation to wear the individual identification number and the systematic use of pedestrian cameras in high-risk situations. It should nevertheless be remembered that these obligations are not respected in a large number of cases by law enforcement officials, as explained above, and that the State must provide remedies to these deficiencies in order to preserve the fundamental rights of individuals, in particular respect for their right to life, their physical integrity, human dignity and the right to peaceful assembly.

Results and conclusion. The international principles on the use of force and firearms are of an utmost importance in order to preserve the respect by the State and the enshrinement of rights and freedoms of the population, while ensuring their safety by preserving public order.

At first sight, according to the laws and procedures set by France, there is a compliance with international standard in their majority, although some legal provisions such as the qualification of unlawful protests and their systematic dismissal by the law enforcement official do not comply with all the international recommendation. The study of the situation in France shows that even with the existence of regulations, formations, and forms of control, the abusive and disproportionate use of force and arms by law enforcement officials remain a reality. This significate that a work must be done in order to come as close as possible to international standards and international monitoring bodies, as well as national human rights authorities, give recommendation on this matter that should be followed.

Moreover, it must be stated that the problem of racial discrimination in the French police represent a part of a bigger issue of systemic racism that should be tackled seriously by the authorities.

References

1. Amnesty International, Report 2022-2023, available from <https://www.amnesty.org/en/location/europe-and-central-asia/france/report-france/>
2. Auberge des migrants, 2018, RIB, U, Cabane juridique, Rapport sur les violences à Calais. Pratiques abusives et illégales des forces de l'ordre, <https://www.laubergedesmigrants.fr/wp-content/uploads/2018/12/Rapport-Violences-Calais-2018.pdf>
3. Cahn O., « Un Etat de (la) police », *Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*, 2019, n° 4, <https://www.cairn.info/revue-de-science-criminelle-et-de-droit-penal-compare-2019-4-page-975.htm#no23>
4. Commission nationale consultative des droits de l'homme, 11 février 2021, Avis sur les rapports entre police et population : rétablir la confiance entre la police et la population <https://www.cncdh.fr/publications/avis-sur-les-rapports-entre-police-et-population-2021-2>
5. Commission Nationale Consultative des Droits de l'Homme, 2021, report on the fight against racism, <https://www.cncdh.fr/publications/rapport-2021-sur-la-lutte-contre-le-racisme-lantisemitisme-et-la-xenophobie>
6. Commission nationale consultative des droits de l'homme, 19 Octobre 2023, Avis sur les rapports entre police et population, <https://www.cncdh.fr/publications/avis-sur-les-rapports-entre-police-et-population-2023-2>
7. Commissioner for human rights of the Council of Europe, 2009, opinion concerning independent and effective determination of complaints against de Police, available from <https://rm.coe.int/opinion-of-the-commissioner-for-human-rights-thomas-hammarberg-concern/16806daa54>
8. Conseil d'Etat, 18 octobre 2023, N° 488860, publié au Recueil Lebon, <https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/CE/decision/2023-10-18/488860>
9. Conseil d'Etat, ass, 11 octobre 2023, n° 467771, publié au Recueil Lebon, <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000048197390>
10. Declaration of man and the citizen, 1789, available from <https://www.elysee.fr/en/french-presidency/the-declaration-of-the-rights-of-man-and-of-the-citizen>
11. Défenseur des droits, 20 janvier 2017, Enquête sur l'accès aux droits, vol.1 : Relations police/population, le cas des contrôles d'identité, available from <https://www.defenseurdesdroits.fr/enquete-sur-lacces-aux-droits-volume-1-relations-police-population-le-cas-des-controles-didentite>
12. ECHR, 23 May 2019, n° 542/13, Chebab c. France, available at [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-193082%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-193082%22]})
13. ECHR, 21 June 2018, n° 36083/16, Semache c. France, available at [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-183818%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-183818%22]})
14. France Diplomacy, 2023, Statement by the committee on the elimination of Racial discrimination, <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/france-and-the-united-nations/news-and-events/news/news->

2023/article/statement-by-the-committee-on-the-elimination-of-racial-discrimination-08-07-23

15. French Republic, Code de la Sécurité Intérieure, https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025503132/

16. Gauthier J, *origines contrôlées, sociétés contemporaines*, 2015/1 (n°97), p. 101 à 127, <https://www.cairn.info/revue-societes-contemporaines-2015-1-page-101.htm>

17. Halissat I. and Leboucq F., 21 Janvier 2021, « Sanctions dans la police : les chiffres d'une impunité croissante », *Libération*, https://www.liberation.fr/france/2021/01/21/sanctions-dans-la-police-les-chiffres-d-une-impunite-croissante_1818189/

18. Human Rights Watch, 18 June 2020 « They talk to us like we're dogs » : *Abusive Police stops in France*, available from <https://www.hrw.org/report/2020/06/18/they-talk-us-were-dogs/abusive-police-stops-france>

19. Human Rights Watch, 26 July 2017, "Like living in hell": police abuses against child and adult migrants in Calais, available from <https://www.hrw.org/report/2017/07/27/living-hell/police-abuses-against-child-and-adult-migrants-calais>

20. *Liberation*, 20 December 2023, *Mort de Nahel : la version policière encore mise à mal par un rapport de l'IGPN et de nouvelles auditions*, https://www.liberation.fr/societe/police-justice/mort-de-nahel-la-version-policiere-encore-mise-a-mal-par-un-rapport-de-ligpn-et-de-nouvelles-auditions-20231220_LUXTBYT57RAUXAYASD74ZBNWOM/

21. *Mediapart*, 02 October 2023, *Affaire Hedi : les images de video surveillance accablent les policiers*, available from <https://www.mediapart.fr/journal/france/021023/affaire-hedi-les-images-de-videosurveillance-accablent-les-policiers>

22. *Mediapart*, 27.10.2023, *le ministère de l'intérieur réduit la distance de tir des LBD malgré leur dangerosité*, <https://www.mediapart.fr/journal/france/271023/le-ministere-de-l-interieur-reduit-la-distance-de-tir-des-lbd-malgre-leur-dangerosite>

23. Roché, S. (n.d.). *Les violences policières en France: Revue esprit*. *Esprit Presse*. <https://esprit.presse.fr/actualites/sebastian-roche/les-violences-policieres-en-france-42562>

24. *Tribunal judiciaire Paris*, 28 Fevrier 2020, n° 19/08420, https://juridique.defenseurdesdroits.fr/doc_num.php?explnum_id=20229

25. United Nations, *Basic principles on the use of force and firearms by law enforcement officials*, 07 September 1990, available from <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-use-force-and-firearms-law-enforcement>

26. UN CERD, 07 July 2023, *press realase : statement on France*, <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2023/07/statement-france-un-committee-elimination-racial-discrimination>

27. UN CERD, 14 December 2022, Concluding observations on the combined twenty-second and twenty-third periodic reports of France, https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/SessionDetails1.aspx?SessionID=2557&Lang=fr

28. United Nations, Code of Conduct for Law Enforcement Officials, General Assembly resolution 34/169, 17 December 1969, available from <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/code-conduct-law-enforcement-officials>

29. United Nations Human Right Council, 2019 General comment n° 36 on article 6: right to life, <https://www.ohchr.org/en/calls-for-input/general-comment-no-36-article-6-right-life>

30. United Nations Human Right Council, 2020, General comment n° 37 on article 21 (right of peaceful assembly), <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-37-article-21-right-peaceful>

31. UN Human Rights Commissioner, 09 July 2021, Report on the promotion and protection of the human rights and fundamental freedoms of Africans and of people of African descent against excessive use of force and other human rights violations by law enforcement officers, available from <https://www.ohchr.org/en/documents/reports/ahrc4753-promotion-and-protection-human-rights-and-fundamental-freedoms-africans>

32. UN OHCHR, 01 June 2020, United Nations Human Rights Guidance on Less-Lethal Weapons in Law Enforcement, available from <https://www.ohchr.org/en/publications/policy-and-methodological-publications/united-nations-human-rights-guidance-less>

33. UN Universal Periodic Review, 2023, France – 4rd cycle, <https://www.ohchr.org/fr/hr-bodies/upr/fr-index>

DOI: <https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2024-8-1-75-84>

Analysis of human rights violations during the taliban regime

Aidana A. Oтынshiyeva

PhD, acting associate professor, Department of International Law, Faculty of International Relations, Farabi University,

Almaty, Kazakhstan

e-mail: aidana-best91@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-7637-842X>

JEL code K330

Ayatullah Nemati

Master student of Faculty of International Relations, Farabi University,

Almaty, Kazakhstan

e-mail: aidana-best91@mail.ru

JEL code K330

Abstract. With the collapse of the government in 2021, the country changed deeply from all perspectives. From 2004 until 2021 the efforts for democracy and human rights were demolished and the change happened drastically. This paper records and analyzes the human rights violations that occurred during Taliban Regime in Afghanistan. It covers the violations based on the timeline of events from 2021-2024. One of the main serious violations which affected society is the restriction on women's education. Since the Universal Declaration of Human Rights in 1948 nine core international human rights treaties cover various aspects of human rights, such as civil and political rights, economic and social rights, racial discrimination, torture, women's rights, children's rights, migrant workers' rights, and disabilities rights where Afghanistan ratified six of those treaties.

During these years inside Afghanistan, no published book or article disclosed the Taliban human rights violations due to restricted freedom of media because of that reason the humanitarian and UN reports data are used in this paper.

This paper first focuses on the human rights situation before the Taliban and the legal development of Afghanistan. Secondly, it includes the violation of human rights by the Taliban regime, and at the last, it includes a conclusion and proposed recommendations from the perspective of international law students.

Keywords: Afghanistan, Taliban, Human Rights, Violations and Government.

Талибан режимі кезіндегі адам құқықтарының бұзылуын талдау

Отыншиева Айдана А

PhD докторы, халықаралық құқық кафедрасының доцент м.а., халықаралық қатынастар факультеті, Фараби университеті

Алматы, Қазақстан

e-mail: aidana-best91@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-7637-842X>

JEL code K330

Аятулла Немати

халықаралық қатынастар факультетінің магистранты, Фараби университеті,
Алматы, Қазақстан

e-mail: aidana-best91@mail.ru

JEL code K330

Түйіндеме. 2021 жылы үкіметтің ыдырауымен ел барлық жағынан түбегейлі өзгерді. 2004 жылдан бастап 2021 жылға дейін демократия мен адам құқықтары үшін күш-жігер жойылып, өзгеріс күрт болды. Бұл құжат Ауғанстандағы Талибан режимі кезінде орын алған адам құқықтарының бұзылуын жазып, талдайды. Ол 2021-2024 жылдар аралығындағы оқиғалардың хронологиялық кестесіне негізделген бұзушылықтарды қамтиды. Қоғамға әсер еткен ең ауыр заң бұзушылықтардың бірі – әйелдердің білім алуына шектеу қою. 1948 жылы Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясынан бері адам құқықтары жөніндегі тоғыз негізгі халықаралық шарт адам құқықтарының әртүрлі аспектілерін қамтиды, мысалы, азаматтық және саяси құқықтар, экономикалық және әлеуметтік құқықтар, нәсілдік кемсітушілік, азаптау, әйелдер құқығы, балалар құқығы, еңбек мигранттарының құқықтары, Ауғанстан осы шарттардың алтауын ратификациялаған мүгедектер құқықтары.

Осы жылдар ішінде Ауғанстанда жарияланған бірде-бір кітап немесе мақалада БАҚ бостандығының шектелуіне байланысты Талибанның адам құқықтарын бұзуы ашылған жоқ, сондықтан гуманитарлық және БҰҰ есептерінің деректері осы құжатта пайдаланылады.

Бұл жұмыс алдымен Талибанға дейінгі адам құқықтарының жағдайы мен Ауғанстанның құқықтық дамуына бағытталған. Екіншіден, ол Талибан режимінің адам құқықтарын бұзуын қамтиды және соңында халықаралық құқық студенттерінің көзқарасы бойынша қорытынды мен ұсынылған ұсыныстарды қамтиды.

Негізгі сөздер: Ауғанстан, Талибан, адам құқықтары, бұзушылықтар және үкімет.

Анализ нарушений прав человека во время режима Талибана

Айдана А. Отыншиева

кандидат юридических наук, и.о. доцента кафедры международного права факультета международных отношений Университета Фараби,

Алматы, Казахстан

e-mail: aidana-best91@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-7637-842X>

JEL code K330

Аятулла Немати

Магистрант факультета международных отношений Университета Фараби, Алматы, Казахстан

e-mail: aidana-best91@mail.ru

JEL code K330

Аннотация. После краха правительства в 2021 году страна глубоко изменилась со всех точек зрения. С 2004 по 2021 год усилия по обеспечению демократии и прав человека были сведены на нет, и произошли радикальные изменения. В данной статье фиксируются и анализируются нарушения прав человека, произошедшие во время режима Талибана в Афганистане. Он охватывает нарушения, основанные на хронологии событий 2021-2024 годов. Одним из главных серьезных нарушений, затронувших общество, является ограничение женского образования. Со времени Всеобщей декларации прав человека в 1948 году девять основных международных договоров по правам человека охватывают различные аспекты прав человека, такие как гражданские и политические права, экономические и социальные права, расовая дискриминация, пытки, права женщин, права детей, права трудящихся-мигрантов, и права инвалидов, где Афганистан ратифицировал шесть из этих договоров.

За эти годы в Афганистане ни одна опубликованная книга или статья не раскрывала нарушения прав человека талибами из-за ограничения свободы СМИ, по этой причине в этой статье используются данные гуманитарных отчетов и отчетов ООН.

В данной статье основное внимание уделяется ситуации с правами человека до прихода Талибана и правовому развитию Афганистана. Во-вторых, он включает нарушение прав человека режимом Талибана и, наконец, включает вывод и предлагаемые рекомендации с точки зрения студентов-международников.

Ключевые слова: Афганистан, Талибан, права человека, нарушения и правительство.

Introduction.

Between the Taliban takeover on 15 August 2021 and 30 June 2023, the Human Rights Service has obtained credible reports that members of the de facto authorities were responsible for 218 extrajudicial killings, 14 enforced disappearances, over 144 instances of torture and ill treatment, and 424 arbitrary arrests and detentions. Most these violations were committed against former Afghan National Army members, police and National Directorate of Security officials.

Materials and methods.

After the Taliban takeover in August 2021, the human rights situation got to its worst case in Afghanistan. All the efforts since 2001 on the rule of law, human rights, and democracy fade out in one night in the territory of Afghanistan. The Taliban imposes strong restrictions on women's rights and media freedoms. After some months of the Taliban government, all secondary school girls have been closed in the country and women are prohibited from working in most government institutions. It is no wonder to see no women among officials of the Taliban at all government levels.

Considering the flaw of the timeline of events at first many individuals do not expect the immediate collapse in Afghanistan. In the first month Taliban, thousands of people due to fear of persecution and being targeted by the Taliban tried to flee the country. Since the government collapse according to Wilson with an estimated 8.2 million hosted in 103 different countries.

In many cities, the Taliban searched for, threatened, and sometimes detained or executed former members of the Afghan National Security Forces (ANSF), officials of the former government, or their family members.

The Taliban victory propelled Afghanistan from humanitarian crisis to catastrophe, with millions of Afghans facing severe food insecurity due to lost income, cash shortages, and rising food costs.

In the six months before the takeover, fighting between government forces and the Taliban caused a sharp rise in civilian casualties from improvised explosive devices (IEDs), mortars, and airstrikes. The Islamic State of Khorasan Province (the Afghan branch of the Islamic State, known as ISKP) carried out attacks on schools and mosques, many targeting minority Hazara Shia.

Discussion.

a) Unlawful Killings, Enforced Disappearances, Violations of Laws of War

The United Nations reported that Taliban forces were responsible for nearly 40 percent of civilian deaths and injuries in the first six months of 2021, although many incidents were unclaimed. Women and children comprised nearly half of all civilian casualties. Attacks by the ISKP included assassinations and many deadly bombings.

Many attacks targeted Afghanistan's Hazara Shia community. On May 8 2021, three explosions at the Sayed al-Shuhada school in Kabul killed at least 85 civilians, including 42 girls and 28 women, and injured over 200—the vast majority from the Hazara community. The attack was unclaimed but occurred in a predominantly Hazara neighborhood that ISKP had repeatedly targeted. On October 8, a suicide bombing during Friday prayer at a Shia mosque in Kunduz killed at least 72 people and injured over 140; the ISKP claimed responsibility. On March 4, gunmen fatally shot seven Hazara laborers at a plastics factory in Jalalabad.

The ISKP (Islamic State of Khorasan Province) also carried out attacks, including assassinations and deadly bombings. The Hazara Shia community was frequently targeted, with notable attacks on the Sayed al-Shuhada school in Kabul and a Shia

mosque in Kunduz. Retaliatory killings by the Taliban against former officials and security force personnel were also documented. Both the Taliban and ISKP conducted targeted killings of civilians, including government employees, journalists, and religious leaders. The Afghan government security forces were also responsible for civilian casualties, including indiscriminate mortar and rocket attacks. The situation in Afghanistan remains complex and volatile, with various armed groups contributing to the violence and suffering of civilians

b) Women's and Girls' Rights

In the aftermath of the Taliban takeover, there have been numerous policies and regulations implemented that have rolled back women's and girls' rights in Afghanistan. These measures include severe restrictions on employment and education, as well as limitations on the right to peaceful assembly. The Taliban has also targeted high-profile women, denying them freedom of movement outside their homes.

While the Taliban claims to support education for girls and women, they ordered secondary schools to reopen only for boys on September 18. As of October, the majority of secondary schools for girls remained closed, although some have reopened in a few provinces. The acting minister of higher education announced that girls and women could participate in higher education but would be segregated from boys and men. However, the lack of female teachers, especially in higher education, is likely to result in limited access to education for many girls and women.

In addition, women who had been teaching boys in classes above the sixth grade or men in mixed classes at university have been dismissed in some areas due to the prohibition on teaching males. The Taliban has also banned or restricted female humanitarian workers, which could further hinder access to healthcare and humanitarian aid. Almost all female government employees have been dismissed, and there have been requirements for gender segregation in workplaces when women have been allowed to return to work.

The Taliban eliminated the Ministry for Women's Affairs and repurposed its building as the Ministry for the Propagation of Virtue and Prevention of Vice. This institution enforces rules on citizens' behavior, including women's dress and their ability to move outside the home unaccompanied by a male relative. Shelters for women fleeing violence have been closed, and some women have been transferred to women's prisons.

These developments have had a significant impact on the rights and freedoms of women and girls in Afghanistan, with access to education, employment, healthcare, and basic services severely shortened.

c) Freedom of Media, Speech, and Assembly

Following the Taliban takeover, nearly 70 percent of Afghan media outlets closed, and those that remained faced threats and self-censorship. The Taliban imposed strict restrictions on media and free speech, detaining and beating journalists who covered protests. Women carried out demonstrations against Taliban policies, facing violence and restrictions. On September 7, Taliban security forces detained two journalists from

the Etilaat-e Roz media outlet and severely beat them in custody before releasing them. The reporters had been covering protests by women in Kabul. The Taliban detained at least 32 journalists after taking power in Kabul.

In summary, the Afghan media has been under significant threat, with journalists targeted and attacked by both the Taliban and the ISKP. Media outlets have closed, and the remaining outlets face restrictions and self-censorship. Protests against Taliban policies have been met with violence, and journalists investigating the Taliban have been arrested.

d) **International Justice and Investigations into Abuses**

On September 27, the prosecutor for the International Criminal Court filed an application before the court's judges seeking authorization to resume an investigation in Afghanistan following the collapse of the former Afghan government. Prosecutor Karim Khan stated, however, that his investigation would focus only on crimes allegedly committed by the Taliban and the Islamic State and deprioritize other aspects of the investigation, namely alleged crimes committed by the forces of the former Afghan government and US military and CIA personnel.

On August 24, the UN Human Rights Council held a special session, requested jointly by Afghanistan and the Organisation of Islamic Cooperation (OIC), but the negotiations—led by Pakistan as OIC coordinator—failed to create any new monitoring mechanism. At its next regular session, the UN Human Rights Council adopted on October 7 a European Union-led resolution establishing a special rapporteur on Afghanistan, supported by experts, including on “fact-finding, forensics, and the rights of women and girls.”

In June, Afghan witnesses testified by video link in the defamation trial against Australian newspapers brought by former Australian SAS officer Ben Roberts-Smith. In 2018, *The Age*, *Sydney Morning Herald*, and *Canberra Times* had published accounts of alleged killings of civilians and other abuses by SAS units, and by Roberts-Smith himself. Those abuses are being examined by Australian investigators.

e) **Position of International community on 2021**

After the Taliban takeover, the Afghanistan Central Bank lost access to its US dollar assets, and the International Monetary Fund blocked funding. Donors halted payments from the Afghanistan Reconstruction Trust Fund, leading to an economic collapse.

The UN Security Council renewed the UN Assistance Mission in Afghanistan (UNAMA) for six months, but its future is uncertain. The Taliban government has not been formally recognized by any country. The EU set benchmarks for engagement, emphasizing human rights and an inclusive government.

China called for an end to economic sanctions on Afghanistan and expected the Taliban to become more inclusive. Russia, Turkey, and Iran stated they would not acknowledge a Taliban-led government until it formed an inclusive administration, while Pakistan called for international engagement and an inclusive government.

Throughout the year, the deteriorating situation in Afghanistan was repeatedly addressed by UN bodies and the UN High Commissioner for Human Rights.

In 2022, Afghanistan experienced a deepening economic crisis marked by a significant reduction in donor assistance and corresponding cuts to essential workers' wages. A massive liquidity crisis, soaring prices for crucial goods, and external restrictions on the banking sector exacerbated the situation. Millions of children suffered from acute malnutrition, and over 90% of Afghans faced food insecurity. Women and girls were disproportionately affected, with Taliban actions contributing to job losses and hindering female aid workers.

a) **Women's and Girls' Rights**

In March 2022, the Taliban made the announcement that women and girls would be prohibited from receiving secondary education. This decision received widespread criticism and concern from various international bodies, including the United Nations Security Council, the Organisation of Islamic Cooperation, and most members of the G7 and G20. The Taliban's leadership, which is entirely comprised of men, has not permitted women to participate in governance at any level or hold any senior positions in the civil service, including as judges. Authorities announced and frequently enforced rules prohibiting women from traveling or leaving their homes, including to go to the workplace without a male family member accompanying them—an impossible requirement for almost all families—and barred women from holding most types of jobs.

b) **Economic and Humanitarian Crises**

In 2022, Afghanistan's humanitarian crisis deepened due to the lasting economic collapse following the Taliban takeover. Over 90% of the population faced food insecurity, resulting in widespread daily meal skipping and starvation deaths, particularly affecting children.

US restrictions on the Central Bank of Afghanistan (Da Afghanistan Bank) exacerbated the crisis, causing a prolonged liquidity shortage and hindering legitimate financial activities. Women and girls were disproportionately affected, facing barriers to food, healthcare, and financial resources, worsened by Taliban policies restricting women from most paid jobs.

The creation of «The Afghan Fund» by the US on September 14 aimed to address economic challenges, but concerns persisted about its viability and the delayed steps in stabilizing the collapsed economy, with significant human costs. Taliban restrictions on women's employment and oppressive requirements for those allowed to work added to the challenges faced by female-headed households. World Food Program surveys highlighted the terrible situation, with almost 100% of women-headed households lacking adequate food, resorting to drastic measures for survival.

c) **Extrajudicial Killings, Enforced Disappearances, Torture, and War Crimes**

Taliban forces, since August 2021, have engaged in revenge killings, enforced disappearances, and summary executions of former government officials, security personnel, and individuals labeled as members of the Islamic State of Khorasan Province (ISKP). UNAMA's August 2022 report highlighted numerous cases, indicating challenges in distinguishing between victims' affiliations.

Nangarhar residents uncovered a mass grave with at least 45 decomposed bodies, showing signs of torture and brutal executions. In Panjshir province, the Taliban conducted search operations targeting communities supporting the National Resistance Front, resulting in detentions, torture, collective punishment, and disregard for detainee protections.

d) **Attacks by Islamic State of Khorasan Province (ISKP)**

In 2022, ISKP claimed responsibility for numerous bombings and armed attacks targeting Hazaras, resulting in at least 700 casualties. On April 19, a suicide bombing at a Kabul high school in Dasht-e Barchi, a predominantly Hazara and Shia area, claimed 20 lives and injured several. Two days later, an attack at Seh Dokan Mosque in Mazar e Sharif killed 31 and wounded 87. On April 27, unidentified gunmen killed five Hazara men in Samangan. Another attack on a Kabul educational center on September 30, primarily affecting Hazara women and girls, resulted in 53 deaths and 100 injuries.

The Taliban's failure to provide security and assistance to at-risk populations and survivors exacerbated the impact of the attacks, causing long-term harm by depriving families of breadwinners and imposing significant medical and lifestyle burdens.

e) **Extension of UNAMA in 2022**

The United Nations Security Council passed a resolution in March 2022 extending the United Nations Assistance Mission for Afghanistan (UNAMA) and its mandate to report on human rights conditions. The UN Human Rights Council in Geneva renewed and strengthened the mandate of the UN special rapporteur on Afghanistan in October.

The Security Council held numerous debates on Afghanistan and extended several sanctions and removed exemptions that had been granted to some Taliban officials who are under travel bans.

In 2023, the human rights situation in Afghanistan deteriorated as the Taliban committed widespread violations, particularly against women and girls. They imposed bans on education and employment for women and restricted freedom of movement and speech. Human Rights Watch described the abuses as a crime against humanity. The Taliban also cracked down on media and detained journalists, human rights defenders, and activists. UN reports documented extrajudicial killings, arbitrary arrests, torture, and enforced disappearances by Taliban forces. The country faced a severe humanitarian crisis, with over 28 million people requiring aid. Acute malnutrition affected 4 million Afghans, including 3.2 million children. The loss of foreign assistance, a shortfall in humanitarian aid, and a drought worsened the crisis. A ban on women working with NGOs hindered aid delivery and monitoring of women's needs. Same-sex conduct remained criminalized, and the Islamic State of Khorasan Province continued to carry out attacks, causing civilian casualties.

In the majority of Afghan provinces, authorities have implemented regulations prohibiting women from traveling or leaving their homes unaccompanied by a male relative, even for work. Women are generally required to wear a full hijab and cover their faces in public.

Taliban actions throughout 2023 indicate an intensifying crackdown, such as their denial of travel permission for 63 women to accept scholarships in the United Arab Emirates, the closure of all beauty salons resulting in the loss of 60,000 jobs for women, and the ban on women visiting Band-e-Amir national park.

Results and conclusions.

The Taliban maintained their crackdown on civil society activists, with instances such as the arrest of university professor Ismail Mashal on February 2 for publicly opposing the ban on women's university education. On March 27, Matiullah Wesa, an education activist and founder of Penpath, an organization advocating for education in Afghanistan, was arrested along with family members by the GDI. He was released on October 26 without any charges.

Following the closure of beauty salons on July 19, security forces employed water cannons and fired shots into the air to disperse a peaceful protest by salon owners and employees. Four women protesters were reportedly arrested but released later that day. Throughout 2023, the Taliban detained numerous women's rights protesters across the country.

On January 12, the ISKP claimed responsibility for a suicide bombing at the Ministry of Foreign Affairs in Kabul that killed 33, many of them civilians, and wounded at least 45. On June 6, a car bomb killed the Taliban's provincial governor in Badakhshan; a suicide attack on June 8 during the funeral killed nine civilians and injured 37. On November 7, a minibus explosion killed seven and injured 20 members of the Hazara community. The attack occurred in the Dasht-e Barchi area of Kabul, a predominantly Shia Hazara neighborhood that has seen many ISKP attacks.

In March 2023, the UN Security Council extended UNAMA's mandate, emphasizing its role in reporting on human rights conditions. The secretary-general was directed to conduct an integrated, independent assessment by November 17, with a focus on the rights of women and girls. Feridun Sinirlioğlu was appointed to lead the assessment.

In October, the UN Human Rights Council in Geneva renewed and strengthened the mandate of the UN special rapporteur on Afghanistan. On December 21, 2022, Australia, Canada, France, Germany, Italy, Japan, the Netherlands, Norway, Spain, Switzerland, the United Kingdom, the United States, and the European Union jointly condemned the ban on women attending universities. On February 1, the US State Department imposed additional travel restrictions on several Taliban officials in response to the ban on women's university education.

On April 5, the UN, along with the EU and many countries, condemned the Taliban's ban on Afghan women working with the UN.

References.

1. OHCHR. (n.d.). Afghanistan: Amnesty violations. <https://www.ohchr.org/en/press-briefing-notes/2023/08/afghanistan-amnesty-violations>

2. Afghanistan. (2022, January 13). Human Rights Watch.
<https://www.hrw.org/world-report/2022/country-chapters/afghanistan>
3. Afghan refugees still in limbo. (n.d.). Wilson Center.
<https://www.wilsoncenter.org/blog-post/afghan-refugees-still-limbo>
4. Afghanistan. (2023, January 20). Human Rights Watch.
<https://www.hrw.org/world-report/2023/country-chapters/afghanistan>
5. Afghanistan. (2024, January 11). Human Rights Watch.
<https://www.hrw.org/world-report/2024/country-chapters/afghanistan>

Профессору В.А. Карташкину – 90 лет

4 марта 2024 г. исполнилось 90 лет **Владимиру Алексеевичу Карташкину**, доктору юридических наук, профессору, Заслуженному юристу Российской Федерации, главному научному сотруднику Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

В.А. Карташкин является известным советским-российским правоведом, внесшим существенный вклад в развитие отечественной науки международного права. Он специализируется в области теории и практики прав человека, теории международного права, соотношения международного и внутригосударственного права, деятельности Организации Объединенных Наций.

Владимир Алексеевич родился в г. Москве. В 1957 г. окончил юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1961 г. поступил в аспирантуру Института государства и права АН СССР, и в 1964 г. (под руководством профессора С.В. Молодцова) защитил кандидатскую диссертацию на тему «Международно-правовые вопросы территориальной целостности и территориального верховенства развивающихся стран Азии и Африки». В том же году В.А. Карташкин начал свою трудовую деятельность в Институте государства и права АН СССР, в котором работает уже 60 лет.

В 1978 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Права человека и мирное сосуществование». Свою научную деятельность в Институте Владимир Алексеевич успешно сочетал с работой в Отделе прав человека ООН (1969 – 1973 гг.) и специального консультанта заместителя Генерального секретаря ООН по юридическим вопросам (1979 – 1985 гг.).

С 1996 по 2013 гг. В.А. Карташкин избирался экспертом в различные правозащитные органы ООН, в том числе с 1998 г. был членом подкомиссии ООН по поощрению и защите прав человека, а после ее реорганизации с 2008 по 2013 гг. – членом консультативного Комитета ООН по правам человека.

Владимир Алексеевич принимал участие в работе Конституционного Сопровождения 1993 г. Занимал пост Председателя Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации (1996–2002 гг.).

Владимир Алексеевич активно занимался педагогической деятельностью: Международный институт прав человека в Страсбурге (Франция), приглашенный профессор (1975 – 1978 гг.); Корнельский университет (США), приглашенный профессор (1991 г.); Калифорнийский университет Санта Клара (США), приглашенный профессор (1992 г.); Российский университет дружбы народов (РУДН), юридический институт, профессор кафедры международного права (1985–2019 гг.).

Таким образом, можно констатировать, что в качестве научной Альма-матер В.А. Карташкина выступает ИГП РАН, а педагогической – кафедра международного права РУДН. В частности, одним из его учеников и продолжателем деятельности в правозащитной системе ООН является проф. А.Х. Абашидзе.

Под руководством В.А. Карташкина защищены одна докторская и 18 кандидатских диссертаций.

Владимир Алексеевич – инициатор создания и главный редактор всероссийского журнала международного права «Юрист-международник – International lawyer» (2003 – 2008 гг.). Он также входит в состав редакционных советов и редколлегии научных журналов: «Современное право» (член редакционного совета, с 2010 г.); «Обозреватель-Observer» (член редколлегии, с 2012 г.); «Московский журнал международного права» (с 2013 г., заместитель главного редактора).

В.А. Карташкин – автор более 400 научных трудов, в том числе шести индивидуальных монографий, среди которых следует особо отметить книгу «Международная защита прав человека. Основные проблемы сотрудничества государств», вышедшую в свет в 1976 г. (в издательстве «Международные отношения»), на которой выросло целое поколение отечественных ученых, занимающихся правозащитной проблематикой. Кроме того, его перу принадлежат около 30 глав в коллективных монографиях и учебниках, более 100 публикаций в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень ВАК.

Заслуженный юрист Российской Федерации (1999 г.). Награжден медалью А. Кони (2019 г.).

Коллектив Редакционного совета «Евразийского журнала международного права» сердечно поздравляет уважаемого Юбилера и искренне желает Владимиру Алексеевичу крепкого здоровья и жизненной энергии, благополучия, душевной гармонии, дальнейших успехов в работе, новых достижений в научной деятельности!

Профессор В.А. Карташкин – 90 жаста

2024 жылдың 4 наурызында заң ғылымдарының докторы, профессор, Ресей Федерациясының еңбек сіңірген заңгері, Ресей Ғылым академиясы Мемлекет және құқық институтының (РҒА МҚИ) бас ғылыми қызметкері Владимир Алексеевич Карташкин 90 жасқа толды.

В.А. Карташкин – халықаралық құқық отандық ғылымының дамуына елеулі үлес қосқан белгілі кеңестік-ресейлік заңгер. Ол адам құқықтары теориясы мен практикасы, халықаралық құқық теориясы, халықаралық және мемлекетішілік құқықтың арақатынасы, Біріккен Ұлттар Ұйымының қызметі саласында маманданған.

Владимир Алексеевич Мәскеуде дүниеге келген. 1957 жылы М.В. Ломоносов атындағы ММУ-і заң факультетін бітірген. 1961 жылы КСРО Ғылым академиясы Мемлекет және құқық институтының аспирантурасына түсіп, 1964 жылы (профессор С.В. Молодцовтың жетекшілігімен) «Азия мен Африканың дамушы елдерінің аумақтық тұтастығы және аумақтық үстемдігінің халықаралық-құқықтық мәселелері» тақырыбында кандидаттық диссертация қорғады. Сол жылы В.А. Карташкин өзінің еңбек жолын КСРО Ғылым академиясының Мемлекет және құқық институтында бастады, онда 60 жылдан астам жұмыс істеп келеді.

Ол 1978 жылы «Адам құқықтары және бейбіт бірге өмір сүру» тақырыбында докторлық диссертациясын қорғады. Владимир Алексеевич институттағы ғылыми қызметін БҰҰ Адам құқықтары бөліміндегі (1969-1973 ж.) және БҰҰ Бас хатшысының заң мәселелері жөніндегі орынбасарының арнайы кеңесшісі (1979-1985 жж.) ретіндегі жұмысымен сәтті ұштастырды.

В.А. Карташкин 1996 жылдан 2013 жылға дейін БҰҰ әртүрлі құқық қорғау саласындағы органдарына сарапшы болып сайланды, оның қатарында 1998 жылдан бастап БҰҰ Адам құқықтарын көтермелеу және қорғау жөніндегі кіші комиссиясының мүшесі, ал бұл кіші комиссия қайта құрылғаннан кейінгі 2008 жылдан 2013 жыл аралығында БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі консультативтік комитетінің мүшесі болғаны бар.

Владимир Алексеевич 1993 жылғы Конституциялық Кеңестің жұмысына қатысты, Ресей Федерациясы Президентінің жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссияның төрағасы қызметін (1996-2002 ж.) атқарды.

Владимир Алексеевич педагогикалық қызметпен де белсенді айналысты. Ол – Страсбургтегі Халықаралық адам құқықтары институтының (Франция) шақырылған профессоры (1975-1978 ж.), Корнелл университетінің (АҚШ) шақырылған профессоры (1991 ж.), Калифорниядағы Санта Клара университетінің (АҚШ) шақырылған профессоры (1992 ж.), Ресей халықтар достығы университетінің (РХДУ) заң институты халықаралық құқық кафедрасының профессоры (1985-2019 ж.).

Осылайша, В.А. Карташкиннің ғылыми альма-матері – РҒА МҚИ, ал педагогикалық альма-матері РХДУ халықаралық құқық кафедрасы деп айтуға болады. Мәселен, профессор А.Х. Абашидзе – оның шәкірттерінің бірі және БҰҰ құқық қорғау жүйесіндегі қызметін жалғастырушы.

В.А. Карташкиннің жетекшілігімен бір докторлық және 18 кандидаттық диссертация қорғалды.

Владимир Алексеевич – «Юрист-международник – International lawyer» бүкілресейлік халықаралық құқық журналының ашылуына бастамашы және бас редакторы (2003-2008 ж.).

Сондай-ақ ол ғылыми журналдардың редакция кеңестері мен редакция алқаларының құрамына да кіреді. Олардың қатарында «Современное право» (2010 жылдан бастап редакция кеңесінің мүшесі), «Обозреватель-Observer» (2012 жылдан бастап редакция алқасының мүшесі), «Московский журнал международного права» (2013 жылдан бастап бас редактордың орынбасары) бар.

В.А. Карташкин – 400-ден астам ғылыми еңбектердің, оның ішінде алты жеке монографияның авторы, олардың ішінде «Международная защита прав человека. Основные проблемы сотрудничества государств» («Международные отношения» баспасында 1976 жылы жарық көрген) монографиясы бар. Осы еңбектің көмегімен отандық ғалымдардың құқық қорғау мәселелерімен айналысатын тұтас бір буыны өсті. Сонымен қатар, ұжымдық монографиялар мен оқулықтардағы 30-ға жуық тарау, ЖАК тізіміне енгізілген, рецензияланған ғылыми басылымдардағы 100-ден астам басылым оның қаламынан шыққан.

Ол – Ресей Федерациясының еңбек сіңірген заңгері (1999 ж.), А.Кони медалімен марапатталған (2019 ж.).

«Еуразия халықаралық құқық журналының» Редакция кеңесі ұжымы құрметті мерейтой иесін шын жүректен құттықтайды және Владимир Алексеевичке зор денсаулық пен өмірлік қуат, амандық, рухани үйлесімділік, жұмыста одан әрі табыс, ғылыми қызметте жаңа жетістіктер тілейді!

**Professor V.A. Kartashkin
celebrates his 90th birthday anniversary**

On March 4, 2024 **Vladimir Alekseevich Kartashkin**, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Chief Scientific Associate of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (ISL RAS), has celebrated his 90th birthday anniversary.

V.A. Kartashkin is a well-known Soviet-Russian lawyer who has made a significant contribution to the development of the domestic branch of international law. He is engaged in the theory and practice of human rights, the theory of international law, the correlation between international and domestic law, and the activities of the United Nations.

Vladimir Alekseevich was born in Moscow. In 1957 he graduated from the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University. In 1961 he entered the postgraduate course at the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, and in 1964 (with the supervision of Professor S.V. Molodtsov) he defended his PhD thesis "International legal issues of territorial integrity and territorial supremacy of developing countries of Asia and Africa". In the same year V.A. Kartashkin began his labour activity at the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, where he has been working for 60 years.

In 1978, he defended his doctoral thesis "Human Rights and Peaceful Coexistence". Vladimir successfully combined his academic activities at the Institute with his work at the UN Human Rights Division (1969 - 1973) and as a special adviser to the UN Under-Secretary-General for Legal Affairs (1979 - 1985).

From 1996 to 2013 V.A. Kartashkin was elected as an expert to various UN human rights bodies, including a membership of the UN Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights since 1998 and after its reorganization from 2008 to 2013 he was a member of the UN Advisory Committee on Human Rights - Member of the UN Advisory Committee on Human Rights.

Vladimir took part in the work of the 1993 Constitutional Conference. He was Chairman of the Human Rights Commission under the President of the Russian Federation (1996-2002).

Vladimir Alekseevich was actively engaged in teaching activities: International Institute of Human Rights in Strasbourg (France), Visiting Professor (1975 - 1978); Cornell University (USA), Visiting Professor (1991); University of California Santa Clara (USA), Visiting Professor (1992); Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Law Institute, Professor of the Department of International Law (1985-2019).

Thus, V.A. Kartashkin's scientific alma mater is IGP RAS, and his pedagogical one is the Department of International Law at RUDN University. In particular, one of his students and follower of his activity in the UN human rights system is Prof. A.Kh. Abashidze.

Vladimir Kartashkin supervised the defense of 1 doctoral and 18 PhD thesis researches.

Vladimir A. Kartashkin is the founder and editor-in-chief of the all-Russian journal of international law "The International lawyer" (2003 - 2008). He is also a member of editorial boards and editorial boards of scientific journals: "Sovremennoe Pravo" (member of the editorial board, since 2010); "Obozrevatel'-Observer" (member of the editorial board, since 2012); "Moscow Journal of International Law" (since 2013, deputy editor-in-chief).

V.A. Kartashkin is the author of more than 400 scientific works, including six individual monographs, among which the book "International Protection of Human Rights. The main problems of co-operation between states", published in 1976 (in the publishing house "International Relations"), that made a great deal of experience to the generation of Russian scientists dealing with human rights issues.

He is also the author of about 30 chapters in collective monographs and textbooks, more than 100 publications in peer-reviewed scientific publications included in the HAK List.

Honoured Lawyer of the Russian Federation (1999). Awarded the medal of A. Koni (2019).

The office of the Editorial Board of the «**Eurasian Journal of International Law**» cordially congratulates the esteemed Jubilee and sincerely wishes Vladimir Alekseevich good health, well-being, mental harmony, vivid success in his work and new achievements in scientific field!

Alexei Petrovich Vikhryan, PhD in History, RAS expert (2016-2019),

Deputy Chairman of the Board of the National Committee for Public Control,
Member of the Russian Writers' Union

**2024 жылдан бастап ЕХҚЖ редакция кеңесінің құрамына
жаңа танымал ғалымдар енді**

Бекашев Дамир Камильевич

заң ғылымдарының докторы, профессор, РФ СІМ ММХҚИ халықаралық құқық кафедрасының профессоры.

1976 жылы 14 тамызда Мәскеу қаласында дүниеге келген. 1998 жылы Мәскеу мемлекеттік заң академиясын (үздік диплом), 2000 жылы Ресей СІМ Дипломатиялық академиясын бітірді.

Диплом бойынша біліктілігі: «Құқықтану» мамандығы бойынша заңгер (ММЗА); Халықаралық қатынастар саласындағы маман (РФ СІМ ММХҚИ).

2000 жылдан 2001 жылға дейін РФ СІМ Құқық департаментінің халықаралық жария құқық бөлімінің атташесі қызметін атқарды. Атташе дипломатиялық дәрежесі бар. 2001 жылдан бастап қазіргі уақытқа дейін Ресей СІМ ММХҚИ халықаралық құқық кафедрасында жұмыс істейді.

2001 жылы ММЗА Диссертациялық кеңесінде «Теңізшілердің еңбегін халықаралық-құқықтық реттеу» тақырыбында (мамандығы 12.00.10. - Халықаралық құқық. Еуропа құқығы, 12.00.05 - Еңбек құқығы. Әлеуметтік қамсыздандыру құқығы) кандидаттық диссертация қорғады. 2018 жылы РФ СІМ ММХҚИ Диссертациялық кеңесінде «Балық аулаудың заманауи халықаралық-құқықтық мәселелері» тақырыбында (мамандығы 12.00.10. - Халықаралық құқық. Еуропа құқығы) докторлық диссертациясын қорғады.

Ғылыми қызығушылықтары: халықаралық құқық теориясы, халықаралық теңіз құқығы, халықаралық балық аулау құқығы, халықаралық еңбек құқығы, халықаралық ұйымдар құқығы, еңбек көші-қонын халықаралық құқықтық реттеу.

БҰҰ, ФАО, ХЕҰ, ХТҰ, ДСҰ, балық шаруашылығын басқару жөніндегі бірқатар өңірлік ұйымдар аясындағы конференциялар, форумдар, комитеттер мен жұмыс топтарының жұмысына қатысты. Ресей Федерациясы делегацияларының құқықтық мәселелер жөніндегі кеңесшісі ретінде БҰҰ, ФАО, ХЕҰ, ДСҰ және ХТҰ халықаралық-құқықтық құжаттарының мәтіндерін әзірлеуге қатысты.

Халықаралық құқықтың әртүрлі мәселелері бойынша, 200-ден астам жарияланымдары бар, оның ішінде шетелде жарияланғандары да бар. 12 монографияның авторы және тең авторы, бір оқулықтың авторы, жоғары оқу орындарына арналған жеті оқулықтың тең авторы.

Александр Михайлович Солнцев

заң ғылымдарының кандидаты, доцент, РХДУ Заң институты халықаралық құқық кафедрасы меңгерушісінің орынбасары

1981 жылы 13 маусымда Мәскеу қаласында дүниеге келген. РХДУ бакалавриатын үздік бітірген (1999-2003). РХДУ магистратурасын «Халықаралық құқық» мамандығы бойынша үздік бітірген (2003-2005). 2005 жылдан 2008 жылға дейін РХДУ халықаралық құқық кафедрасында аспирантурада оқыды. 2008 жылы кандидаттық диссертациясын профессор А.Х. Абашидзенің жетекшілігімен «Халықаралық экологиялық дауларды шешудегі халықаралық сот мекемелерінің рөлі» тақырыбында қорғады.

Ғылыми қызығушылықтары: халықаралық экологиялық құқық, дауларды бейбіт жолмен шешу, экологиялық құқықтарды қорғау, адам құқықтарының халықаралық құқығы.

2009 жылғы қыркүйектен бастап қазіргі уақытқа дейін (2024 ж.) доцент, РХДУ Заң институты халықаралық құқық кафедрасы меңгерушісінің орынбасары, (Мәскеу, Ресей).

Еуропа халықаралық құқық қоғамының (ESIL), Еуропа экологиялық құқық форумының (EELF), ХТҚО экологиялық құқық академиясының, Халықаралық ғарыш құқығы институтының мүшесі.

Тұрақты даму мақсаттары бойынша Ресейдің ерікті ұлттық баяндамасын дайындауға қатысты (2019).

Орыс және ағылшын тілдерінде 700-ден астам жарияланымдары бар. Scopus H 5, РИНЦ X 18.

E-mail:solntsev-am@rudn.ru

**В состав Редакционного совета ЕАЖМП с 2024 года
включены новые известные ученые**

Бекашев Дамир Камильевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права МГИМО МИД России.

Родился 14.08.1976 г. в г. Москве. В 1998 г. окончил Московскую государственную юридическую академию (диплом с отличием); в 2000 г. - Дипломатическую академию МИД России. Квалификация по дипломам: юрист по специальности «Юриспруденция» (МГЮА); специалист в области международных отношений (ДА МИД России).

С 2000 по 2001 гг. работал в должности атташе отдела международного публичного права Правового департамента МИД России. Имеет дипломатический ранг атташе. С 2001 г. по настоящее время работает на кафедре международного права МГИМО МИД России.

В 2001 г. в диссертационном совете МГЮА защитил кандидатскую диссертацию теме: «Международно-правовое регулирование труда моряков» (специальность 12.00.10. — Международное право. Европейское право, 12.00.05 - Трудовое право; право социального обеспечения). В 2018 г. в диссертационном совете МГИМО МИД России защитил докторскую диссертацию по теме: «Современные международно-правовые проблемы рыболовства» (специальность 12.00.10. — Международное право. Европейское право).

Научные интересы: теория международного права; международное морское право; международное рыболовное право; международное трудовое право; права международных организаций; международно-правовое регулирование трудовой миграции.

Принимал участие в работе конференций, форумов, комитетов и рабочих групп в рамках ООН, ФАО, МОТ, ИМО, ВТО, ряда региональных организаций по управлению рыболовством. В качестве советника по правовым вопросам делегаций Российской Федерации участвовал в разработке текстов международно-правовых документов ООН, ФАО, МОТ, ВТО и ИМО.

Имеет более 200 публикаций по различным проблемам международного права, в том числе опубликованных за рубежом. Автор и соавтор 12 монографий, автор одного учебника, соавтор семи учебников для вузов.

E-mail: dambek@yandex.ru

Александр Михайлович Солнцев

кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Юридического института РУДН

Родился 13 июня 1981, г. Москва.

Окончил бакалавриат РУДН с отличием (1999-2003). Окончил магистратуру РУДН по специальности "международное право" с отличием (2003 - 2005). С 2005 по 2008 г. учился в аспирантуре на кафедре международного права РУДН. Кандидатскую диссертацию защитил в 2008 г. под руководством профессора А.Х. Абашидзе на тему: «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Научные интересы: международное экологическое право, мирное разрешение споров, защита экологических прав, международное право прав человека.

С сентября 2009 г. по настоящее (2024 г.) время – доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Юридического института РУДН, Москва, Россия.

Член Европейского общества международного права (ESIL), Европейского форума экологического права (EELF), Академии экологического права МСОП, Международного института космического права (МИКП).

Принял участие в подготовке добровольного национального доклада (ДНО) России по Целям устойчивого развития (2019).

Имеет более 700 публикаций на русском и английском языках. Scopus H 5, РИНЦ X 18.

E-mail:solntsev-am@rudn.ru

**New famous scientists have been included
in the EAJIL Editorial Council from 2024**

Bekyashev Damir Kamilievich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the International Law.
Chair of Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA
Russia (MGIMO University).

Born on August 14, 1976 in Moscow. In 1998 he graduated from the Moscow State Academy of Law (diploma with honors); in 2000 - Diplomatic Academy of the MFA Russia. Qualifications: Lawyer in specialty «Jurisprudence»; Specialist in International Relations. From 2001 to the present, he has been working at the International Law Chair of MGIMO-University of the MFA Russia.

From 2000 to 2001 worked as an attaché in the Division of International Public Law of the Legal Department of the MFA Russia. Has the diplomatic rank of attaché.

In 2001, he defended his candidate's dissertation on the topic: "International legal regulation of the labor of seamen" (specialty 12.00.10 - International law. European law, 12.00.05 - Labor law; Social security law). In 2018, he defended his doctoral dissertation on the topic: "Current international legal problems of fisheries" (specialty 12.00.10. - International law. European law).

Damir Bekyashev participated in conferences, forums, committees and working groups of the UN, FAO, ILO, IMO, WTO, a number of regional fisheries management organizations. As a legal adviser to the delegations of the Russian Federation, he participated in the development of international legal documents of the UN, FAO, ILO, IMO and WTO.

Scientific interests: theory of international law; international maritime law; international fisheries law; international labor law; law of international organizations; international legal regulation of labor migration.

Has more than 200 publications on various issues of international law, including those published abroad. Author and co-author of 12 monographs, author of one textbook, co-author of seven textbooks.

Alexander Mikhailovich Soltsev

Associate Professor, Deputy Head of the Department of International Law,
Law Institute, RUDN University

Born June 13, 1981, Moscow.

Graduated from RUDN University with honors (1999-2003). He graduated from the RUDN University master's program with a degree in international law with honors (2003 - 2005). From 2005 to 2008 he studied in graduate school at the Department of International Law of the RUDN University. He defended his PhD thesis in 2008 under the guidance of Professor A. Kh. Abashidze. on the topic: "The role of international judicial institutions in resolving international environmental disputes."

Research interests: international environmental law, peaceful resolution of disputes, protection of environmental rights, international human rights law.

From September 2009 to the present (2024) – Associate Professor, Deputy Head of the Department of International Law, RUDN Law Institute, Moscow, Russia.

Member of the European Society of International Law (ESIL), European Environmental Law Forum (EELF), IUCN Academy of Environmental Law, International Institute of Space Law (IISL).

Took part in the preparation of the voluntary national report (VNR) of Russia on the Sustainable Development Goals (2019).

Has more than 700 publications in Russian and English. Scopus H 5, RSCI X 18.

E-mail:solntsev-am@rudn.ru

Мақалаларды жариялау ережелері

«Еуразия халықаралық құқық журналына» («Eurasian Journal of International Law») мақала беру кезіндегі авторларға арналған нұсқаулар

1. Қарастыруға беру. Қолжазбалар электрондық түрде Microsoft Word және PDF пішімінде EAJIL редакторына ұсынылған веб-интерфейс арқылы жіберілуі керек.

Мақаланы жариялауға ұсынған автор редакциямен келіссөздер мен хат алмасуды жеке өзі жүргізеді.

2. Авторлық құқықтар. Қолжазбалар сол жұмыс (немесе оның басым бөлігі) бұрын жарияланбаған, басқа жерде жариялануға қарастырылып жатпаған және барлық авторлармен расталған жағдайда рецензиялауға қабылданады. Мақала баспаға қабылданғаннан кейін жариялауға және шығаруға құқық тек EAJIL-ге тиесілі болады.

3. Техникалық талаптар. Мақаланың көлемі – әдебиеттер тізімін қоса алғанда 3000-нан 7000 сөзге дейін.

Мәтіндік редактор параметрлері: барлық өрістері 2 см; шрифт Times New Roman, өлшемі – 14; жоларалық интервал - 1; ені бойынша туралау; абзац шегінісі 1 см; парақтың бағдары – кітаптық. Мақала мәтінінің түпнұсқалығы 70%-дан кем емес (Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің антиплагиат жүйесінде жүргізілген тексеру нәтижелері бойынша).

Мәтінді, формулаларды және кестелерді теру үшін Microsoft Word немесе LibreOffice Writer редакторын пайдалану керек. Барлық көрнекі нысандар (суреттер, графиктер, диаграммалар) jpeg немесе png форматында берілуі керек. Суреттің жоғарғы жағында оң жақ бұрышында орналасатын суреттің нөмірін және атауын беру қажет (мысалы, Сурет 1. Сурет атауы). Барлық суреттерайқын болуы керек, жазулар анық көрінуі тиіс.

Кестелер мазмұндалу мәтініне сәйкес мақаланың өзінде орналастырылады. Кестенің жоғарғы жағында оң жақ бұрышында кесте нөмірін және оның атауын беру қажет (мысалы, Кесте 3. Кесте атауы).

4. Мақаланың құрылымы. Мақаланың келесідей құрылымы болуы керек:

- Тақырып және автор туралы мәліметтер (Title) 3 тілде: қазақ, орыс, ағылшын. Шетелдік авторлар үшін Тақырып және автор туралы мәліметтер, Түйіндеме, Негізгі сөздерді қазақ тіліне аударуды журналдың редакциясы жүзеге асырады.
- Түйіндеме (Abstract) 3 тілде: қазақ, орыс, ағылшын.
- Негізгі сөздер (Keywords) 3 тілде: қазақ, орыс, ағылшын.
- Кіріспе (Introduction).
- Материалдар мен әдістер (Materials and methods).
- Талқылау (Discussion).
- Нәтижелер және қорытынды (Results and conclusions).
- Гранттың, стипендияның және басқа да қаржыландыру көздерінің

көрсеткіші (қажет болса) (Acknowledgements).
- Әдебиеттер тізімі (References).

4.1. Тақырып және автор туралы мәліметтер (Title) келесілерді қамтуы керек:

- мақаланың тақырыбы, автор(лар)дың аты-жөн(дер)і, ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы, лауазымы, жұмыс орны, қаласы, елі, электрондық поштасы, ORCID;

- кем дегенде 1 JEL коды (бірнеше де болады)
<http://www.aeaweb.org/jel/guide/jel.php>

Автор(лар) деректерін рәсімдеу үлгісі Қосымша 1-де.

4.2 Түйіндеме (Abstract) – 150-200 сөз қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде. Талапқа сәйкес болмаған жағдайда, баспа (автордың келісімі бойынша) түйіндеменің көлемін ішінара өзгертуге, азайтуға немесе көбейтуге құқылы.

4.3. Негізгі сөздер – 7-10 сөз. Негізгі сөздер бір-бірінен нүктелі үтір арқылы бөлінеді, қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде беріледі.

4.4. Кіріспе (Introduction) мақсаттар мен міндеттерді қамтуы тиіс.

4.5. Материалдар және әдістер (Materials and methods) бөлімі қамтуы тиіс:

а) халықаралық құқықтық құжаттар, нормативтік құқықтық актілер, мемлекеттік бағдарламалар және т.б.;

б) қолданылған ғылыми зерттеу әдістері;

4.6. Талқылау (Discussion) бөлімінде мақала тақырыбы бойынша басқа авторлардың зерттеулеріне қысқаша шолу (бар болса).

4.7. Нәтижелер мен қорытынды (Results and conclusions).

4.8. Грант, стипендия және зерттеуді қаржыландырудың басқа көздері туралы ақпарат мақаланың соңында «Әдебиеттер тізімі» бөлімінің алдында Acknowledgements бөлімінде орналастырылады.

4.9. Әдебиеттер тізімі (References) мақаланың соңында алфавиттік тәртіппен беріледі. Мақала мәтіндегі қайнар көздерге сілтеме APA Style 6th edition форматында болуы керек. Қайнар көздерді форматтаудың онлайн-генераторын пайдалану ұсынылады <https://www.citationmachine.net/apa> Мақаланың мәтінде қайнар көздер келесідей көрсетіледі: (Imanov, 2002), (Imanov and Abayev, 1990), егер үш автор және одан көп болса – (Abayev et al., 2010).

Мақала авторларының өзіндік сілтемесі – мақала авторының жұмысына 2-3 сілтемеден артық емес болуы керек.

Журналдың шығарылымы EAJIL сайтында орналастырылады және жүктеп алуға қолжетімді болады.

**Қазақстан және Түркияның туризм аясындағы заңнамасына
салыстырмалы талдау**

Серік И. Оспанов

заң ғылымдарының докторы, профессор

Л. Н. Гумилев атындағы ЕҰУ халықаралық құқық кафедрасының
профессоры,

Астана, Қазақстан

e-mail: serik_i@mail.ru

ORCID: JEL-code:

Түйіндеме.

Негізгі сөздер:

**Сравнительный анализ законодательства в сфере туризма в
Казахстане и Турции**

Серик И. Оспанов

доктор юридических наук, профессор

профессор кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,

Астана, Казахстан.

e-mail: serik_i@mail.ru

ORCID: JEL-code:

Аннотация.

Ключевые слова:

**Comparative analysis of legislation in the sphere of tourism
in Kazakhstan and Türkiye**

Serik I. Ospanov

Doctor of Law, Professor

professor of the Department of international law, L.N. Gumilyov ENU,

Astana, Kazakhstan

e-mail: serik_i@mail.ru

ORCID: JEL-code:

Abstract.

Key words:

Правила опубликования статей

Руководство для авторов при подаче статей в «Евразийский журнал международного права» (ЕАЖМП) («Eurasian Journal of International Law» (EAJIL))

1. Подача на рассмотрение. Рукописи должны быть представлены в электронном виде в формате Microsoft Word и PDF в редакцию EAJIL через предоставленный веб-интерфейс.

Автор, предоставивший статью для публикации, лично ведет переговоры и переписку с редакцией.

2. Авторские права. Рукописи принимаются к рецензированию при условии, что эта же работа (или ее значительная часть) ранее не публиковалась, не рассматривается для публикации в другом месте и одобрена всеми авторами (в случае соавторства). После принятия статьи к печати права на публикацию и издание принадлежат исключительно EAJIL.

3. Технические требования. Объем статьи – от 3000 до 7000 слов, включая список литературы.

Параметры текстового редактора: все поля по 2 см; шрифт Times New Roman, размер – 14; межстрочный интервал – 1; выравнивание по ширине; абзацный отступ 1 см; ориентация листа – книжная. Оригинальность текста статьи не менее 50% (по результатам проверки в системе антиплагиат ЕНУ им. Л.Н. Гумилева).

Для набора текста, формул и таблиц следует использовать редактор Microsoft Word. Все визуальные объекты (рисунки, графики, диаграммы) должны быть предоставлены в формате jpeg или png. Необходимо дать номер рисунка и название (например, Рисунок 1. Название рисунка), которые размещаются сверху рисунка в правом углу. Все рисунки должны быть четкими, надписи хорошо видны.

Таблицы размещаются в самой статье по тексту изложения в формате Microsoft Word. Необходимо дать номер таблицы и ее название сверху таблицы в правом углу (например, Таблица 1. Название таблицы).

4. Структура статьи. Статья должна иметь структуру:

1. Заголовок и данные об авторе (Title) на 3 языках: казахский, русский, английский. Для зарубежных авторов перевод разделов Заголовок и данные об авторе, Аннотация, Ключевые слова на казахский язык осуществляет редакция журнала.

2. Аннотация (Abstract) на 3 языках: казахский, русский, английский.

3. Ключевые слова (Keywords) на 3 языках: казахский, русский, английский.

4. Введение (Introduction).

5. Материалы и методы (Materials and methods): а) Материалы (Materials); б) Методы (Methods)

6. Обсуждение (Discussion).

7. Результаты и заключение (Results).
8. Заключение (Conclusions).
9. Указание (при желании) на грант, стипендии и другие источники финансирования (Acknowledgements).
10. Список литературы (References).

4.1. Заголовок и данные об авторе (Title) должны включать:

- название статьи, ФИО, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, город, страна, электронная почта, ORCID автора (ов) ;
  - как минимум 1 JEL-код (можно несколько)
- <http://www.aeaweb.org/jel/guide/jel.php>

Образец оформления данных автора(ов) в Приложении 1.

4.2 Аннотация (Abstract) – 150-200 слов на казахском, русском, английском языках.

4.3. Ключевые слова – 7-10 слов. Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой, предоставляются на казахском, русском и английском языках.

4.4. Введение (Introduction) должно содержать цели и задачи.

4.5. Материалы и методы (Materials and methods) должен включать в себя:

- а) международно-правовые документы, нормативные правовые акты, государственные программы и т.д.;
- б) использованные методы научного исследования.

4.6. Обсуждение (Discussion) краткий обзор исследований иных авторов по теме статьи (при наличии).

4.7. Результаты (Results)

4.8. Заключение (Conclusions).

4.9. Информация о гранте, стипендии и иных источниках финансирования исследования помещается в конце статьи перед разделом «Список литературы» в раздел Acknowledgements.

4.10. Список литературы (References) приводится в алфавитном порядке в конце статьи. Ссылки на источники в тексте статьи должны быть в формате APA Style 6th edition. Рекомендуется воспользоваться онлайн-генератором форматирования источников <https://www.citationmachine.net/apa> В тексте статьи источники указываются следующим образом: (Imanov, 2002), (Imanov and Abayev, 1990), если три автора и больше - (Abayev et al., 2010).

Самоцитирование авторов статьи — не более 2-3 ссылок на работы автора статьи. Содержание статьи должно иметь обзоры научных трудов зарубежных исследователей по аналогичной проблеме, а также ссылки не менее чем на одну статью в предыдущих выпусках Евразийского журнала международного права.

Выпуск журнала будет размещен и доступен для скачивания на сайте ЕАИЛ.

Приложение 1.

**Қазақстан және Түркияның туризм аясындағы заңнамасына
салыстырмалы талдау**

Серік И. Оспанов

заң ғылымдарының докторы, профессор

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Түйіндеме.

Негізгі сөздер:

**Сравнительный анализ законодательства в сфере туризма в
Казахстане и Турции**

Серик И. Оспанов

доктор юридических наук, профессор

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана,
Казахстан.

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Аннотация.

Ключевые слова:

**Comparative analysis of legislation in the sphere of tourism
in Kazakhstan and Türkiye**

Serik I. Ospanov

Doctor of Law, Professor

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Abstract.

Key words:

Rules for publishing articles

A guide for authors when submitting articles to «Eurasian Journal of International law» (EAJIL)

1. Submission for consideration. Manuscripts should be submitted electronically in Microsoft Word and PDF format to the EAJIL editorial office via the provided web interface.

The author who submitted the article for publication personally conducts negotiations and correspondence with the editorial board.

2. Copyright. Manuscripts are accepted for review provided that the same work (or a significant part of it) has not been published before, is not considered for publication elsewhere and is approved by all authors (in case of co-authorship). After the acceptance of the article for publication, the rights to publication and publication belong exclusively to EAJIL.

3. Technical requirements. The volume of the article is from 3000 to 7000 words, including the list of references.

Text editor parameters: all fields are 2 cm; Times New Roman font, size – 14 pt; line spacing – 1; alignment - width; first line: indent 1 cm; sheet orientation – portrait. The originality of the text of the article is at least 70% (according to the results of verification in the antiplagiat system of the L.N. Gumilev ENU).

It is recommended to use Microsoft Word or LibreOffice Writer editors for typing text, formulas and tables. All visual objects (drawings, graphs, diagrams) must be provided in jpeg or png format. It is necessary to give the number of the picture and the name (for example, Figure 1. The name of the picture), which are placed on top of the picture in the right corner. All drawings should be clear, the inscriptions are clearly visible.

Tables are placed in the article itself according to the text of the presentation in Microsoft Word format. It is necessary to give the table number and its name at the top of the table in the right corner (for example, Table 1. Table name).

4. The structure of the article. The article should have the structure: - Title and data about the author (Title) in 3 languages: Kazakh, Russian, English. For foreign authors, the translation of the sections Title and information about the author, Abstract, Keywords into Kazakh is carried out by the editorial board of the journal.

- Abstract in 3 languages: Kazakh, Russian, English.
- Keywords in 3 languages: Kazakh, Russian, English.
- Introduction.
- Materials and methods.
- Discussion.
- Results and conclusions.
- Indication (if desired) of the grant, scholarships and other sources of funding (Acknowledgements).
- References.

4.1. The title and information about the author (Title) should include:

- title of the article, full name, academic degree, academic title, position, place of work, city, country, e-mail, ORCID of the author(s) ;

- at least 1 JEL code (multiple possible) <http://www.aeaweb.org/jel/guide/jel.php>

A sample of the design of the author's data(s) in Appendix 1.

4.2. Abstract – 150-200 words in Kazakh, Russian, English. In case of non-compliance with the requirement, the editorial board reserves the right (by agreement of the authors) to partially change, reduce or increase the volume of the abstract.

4.3. Keywords – 7-10 words. Keywords are separated from each other by a semicolon, provided in Kazakh, Russian and English.

4.4. The Introduction should contain goals and objectives.

4.3. Keywords – 7-10 words. Keywords are separated from each other by a semicolon, provided in Kazakh, Russian and English.

4.4. The Introduction should contain goals and objectives.

4.5. The Materials and methods section should include:

a) international legal documents, regulatory legal acts, government programs, etc.;

b) the methods of scientific research used.

4.6. In the Discussion section, a brief overview of the research of other authors on the topic of the article (if available).

4.7. Results and conclusions.

4.8. Information about the grant, scholarship and other sources of research funding is placed at the end of the article before the section "References" in the section Acknowledgements.

4.9. The list of References is given in alphabetical order at the end of the article. References to sources in the text of the article should be in the APA Style 6th edition format. It is recommended to use an online source formatting generator <https://www.citationmachine.net/apa> . In the text of the article, sources are indicated as follows: (Imanov, 2002), (Ivanov and Abayev, 1990), if there are three or more authors - (Abayev et al., 2010).

Self—citation of the authors of the article - no more than 2-3 references to the works of the author of the article.

The issue of the magazine will be posted and available for download on the EAJIL website.

**Қазақстан және Түркияның туризм аясындағы заңнамасына
салыстырмалы талдау**

Серік И. Оспанов

заң ғылымдарының докторы, профессор

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Түйіндеме.

Негізгі сөздер:

**Сравнительный анализ законодательства в сфере туризма в
Казахстане и Турции**

Серик И. Оспанов

доктор юридических наук, профессор

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана,
Казахстан.

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Аннотация.

Ключевые слова:

**Comparative analysis of legislation in the sphere of tourism
in Kazakhstan and Türkiye**

Serik I. Ospanov

Doctor of Law, Professor

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Abstract.

Key words:

**Eurasian Journal of International Law (EAJIL) Еуразия халықаралық құқық
журналы (ЕАХҚЖ)
Евразийский журнал международного права (ЕАЖМП)**

Редакция мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Сәтбаев көшесі, 2.
Тел.: +7(7172)709-500 (ішкі 31-267).
электрондық пошта: ejil2022@mail.ru; sholpanw@yandex.kz; erbolabay@mail.ru
<https://ejil.enu.kz>

Editorial address: 010008, Kazakhstan, Astana, Satpaev st. 2Tel.: +7(7172)709-500 (internal
number: 31-267)
e-mail: ejil2022@mail.ru; sholpanw@yandex.kz; erbolabay@mail.ru<https://ejil.enu.kz>

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева 2, каб. 325Тел.: +7(7172) 709-
500 (вн. 31-267).
e-mail: ejil2022@mail.ru; sholpanw@yandex.kz; erbolabay@mail.ru<https://ejil.enu.kz>

Баспахана мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к., 13/1, тел.:
+7(7172)709-500 (ішкі 31-434)

Printing house address: 010008, Kazhymukan st. 13/1, Astana, Kazakhstan.
Tel.: +7(7172)709-500 (internal number: 31-434)

Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукана, 13/1, тел.:
+7(7172)709-500 (вн. 31-434).